

***Февраль 1917 г.
Россия, Петроград***

Промозглый февраль 1917 г. обдал Петроград жаром революции и отречением Николая II от престола. Казалось бы, ничто не предвещало такого развития событий, однако люди, посвященные в тайны политики, не были удивлены, но и они, когда столкнулись с суровой действительностью, почувствовали себя заложниками своей стратегии.

Верховный главнокомандующий русской армией император Николай II был озабочен проблемами фронта. Он объявил, что намерен отправиться в Могилев в Ставку Верховного командования, а нарастающие беспорядки его только раздражали. Главное для России, считал он, решается на фронте.

Когда стало известно, что царь намерен лично возглавить разработку плана кампании 1917 г., председатель Государственной Думы Михаил Владимирович Родзянко в негодовании уселся лично писать ему письмо: «Неужели, Государь, – писал он, – неясно, что Вы добровольно отдаете Вашу неприкосновенную Особу на суд народа, а это и есть гибель России». После этого он помчался в Мариинский дворец.

– Ваше превосходительство, – окликнул его дворецкий, – Вы забыли трость.

– К черту трость. Судьба России важнее.

* * *

Родзянко Михаил Владимирович 1859 года рождения. Потомственный дворянин Екатеринославской губернии. Сын генерал-лейтенанта в запасе Владимира Михайловича Родзянко. В анкетах в графе «народность (по родному языку)» писал «малоросс». Крупный землевладелец, общественный и государственный деятель.

Окончил Пажеский корпус, после чего в 1877 г. вступил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский его Величества полк. В 1882 г. вышел в запас в чине поручика и жил в Екатеринославской губернии, где в 1883 г. был избран почетным мировым судьей, в 1886 – 1891 гг. – предводительствовал.

... И сделалась тьма ...

дворянством Новомосковского уезда. В 1884 г. женился на княгине Анне Николаевне Голицыной, дочери сенатора и обер-гофмейстера Двора. В 1891

г. он вышел в отставку и несколько лет провел в имении в Новоторжковском уезде Новгородской губернии, где был избран земским гласным. В 1892 г. пожалован в звание камер-юнкера, в 1899 г. – камергера. В 1901 г. стал председателем Екатеринославской земской управы. С 1906 г. действительный статский советник и член в Государственного совета.

В «большой политике» он оказался, когда стал одним из организаторов «Союза 17 октября» и членом его ЦК, в Думе возглавил фракцию «октябристов», а 22 марта 1911 г. сменил А.И. Гучкова на посту председателя III Думы и стал заметной фигурой на политическом «Олимпе». После раскола партии «октябристов» на рубеже 1913–1914 гг. входил во фракцию «земцев-октябристов». Переизбран в IV Думу. М.В. Родзянко, умело лавируя между фракциями и группировками, стал ее председателем и в дальнейшем ежегодно переизбирался на эту должность.

Значительную роль сыграл в годы I мировой войны, выступал за ее «продолжение до победного конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества». В первые месяцы войны поддерживал власть, но после ряда серьезных поражений на фронте перешел в оппозицию. С июля 1915 г. стал одним из лидеров Прогрессивного блока, поддерживал реформы П.А. Столыпина, стремился оказать поддержку реформам правительства, направленным на предотвращение революционного развития событий, к созданию правительства «народного доверия» и учреждению конституционной монархии, действующей в союзе с Государственной думой. Он принадлежал, наряду с А.И. Гучковым и Г.Е. Львовым, к числу наиболее вероятных кандидатов блока на пост премьер-министра планировавшегося «министерства доверия». 27 февраля 1917 г. избран председателем Временного комитета Государственной думы, от имени которого вел переговоры со Ставкой, командующим Северным фронтом генералом Н.В. Рузским, начальником Ставки генералом М.В. Алексеевым и Николаем II, завершившиеся его отречением от престола и созданием Временного правительства. В его состав, однако, не вошел, но оставался во главе быстро утрачивавшего влияние Временного комитета и председателем Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917 г.

В дни революции Михаил Владимирович, как заявляли некоторые современники, чувствовал себя ее вождем, он много и без усталости работал, однако плоды его труда приносили мало пользы. Главной задачей считал приведение мирно Николая II к отречению. 26 февраля он телеграфировал царю: «Положение серьезное. Правительство парализовано. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить

... И сделалась тьма ...

новое правительство». На следующий день, не ожидая ответа царя, он обратился с воззванием к населению, в котором сообщалось, что Временный комитет Госдумы, который он возглавлял, «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственности и общественного порядка». После этого он решил напомнить о себе Николаю II, но через посредничество Н.В. Рузского, которому сообщал, что «считает единственным выходом из создавшегося положения» поручить составить новое правительство, которое выведет страну на «светлый путь», человеку, которому доверяет вся страна. Далее он просил Н.В. Рузского поддержать его предложение перед царем. 28 февраля Михаил Владимирович перед Таврическим дворцом уже приветствовал полки Петроградского гарнизона, перешедшие на сторону Госдумы. В.В. Шульгин вспоминал, что М.В. Родзянко «очень приспособлен для таких выходов, громко орет в защиту Родины». Однако расклад сил в эти дни сложился по иному сценарию, а не как рассчитывал М.В. Родзянко.

В состав Временного правительства он даже не вошел, а остался во главе быстро терявшего свое влияние Временного комитета Думы.

После Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании белого движения, хотел объединить членов Госдумы всех созывов, но это его предприятие успеха не имело, разочарованный он отправился в эмиграцию в Югославию, где в возрасте 65 лет в 1924 г скончался.

* * *

В Мариинском дворце шло заседание правительства. Вернее сказать, после известия о планах Николая II, произошел форменный бедлам. Все вскочили с мест, размахивали руками и кричали, не слушая друг друга. В это время в залу заседания ворвался ошалевший М.В. Родзянко и, вцепившись в главу правительства князя Н.Д. Голицына, буквально зарычал: «Правительство должно заставить царя отказаться от своего решения».

Голицын смотрел на все это как замороженный и только повторял: «Господа, чего же вы хотите от меня? Что же я могу поделать? Господа, при чем здесь я?» Он перевел вопрошающий полный надежды взгляд на Родзянко, но сказать уже ничего не мог. Члены правительства окружили Голицына и Родзянко. Они от всей безвыходности они тоже теперь смотрели на главу Думы в надежде, что теперь только он, как Председатель Думы способен спасти положение.

– Михаил Владимирович, – отчаянно кричал Сазонов, – это же черт знает что такое! В какую бездну толкается Россия?

– Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, использовать все доступные нам способы, чтобы удержать его Величество от бесповоротного ...

... И сделалась тьма ...

шага, – со слезами на глазах бормотал А.В. Кривошеин, вцепившись в рукав Родзянко.

– Михаил Владимирович, – схватив за другой рукав Родзянко, панически вглядываясь в его глаза, чуть не плакал Поливанов А.А., – народ давно считает Государя царем несчастливым, незадачливым.

Забота о благе Отечества, конечно, самая патриотическая русская идея, однако члены Правительства впали в панику, так как понимали, что будущее трона – это и их будущее, но теперь оно теряет под собой опору, растворяется в тумане неопределенности. В толпе кто-то призывал:

– Господа, господа, смиритесь! Все в Божьей власти, положитесь на Господа, и он не оставит нас.

Когда Родзянко пришел в себя, он осмотрелся, заглянул в глаза окружившим его людям и с ужасом подумал: «Боже! И эти безумцы руководят Россией?!» Вырвался из их рук и с криком: «В России нет правительства!», бросился бежать из дворца.

Престарелый генерал, ожидавший в приемной, когда все это кончится, глядя вслед Родзянко, что-то пробормотал себе под нос.

– Что Вы сказали, граф? – спросил его сосед.

– Я сказал, если государь собирается на фронт, значит быть беде.

После блестящих широкомасштабных операций на фронте, результатом которых были ставший всем известный «Брусиловский прорыв» и победа генерала Н.В. Рузского над австро-венгерскими войсками, ставка Верховного главнокомандующего с ее начальником Михаилом Васильевичем Алексеевым готовила новую не менее широкомасштабную операцию, и были все основания к уверенности, что с учетом прежних ошибок армия способна нанести сокрушительный удар по германским войскам. А здесь не кстати – анархия, провокационные призывы к окончанию войны, пораженчество, которые отвлекают от подготовки будущих побед. Самое печальное, что эта пропаганда проникла в армию и как ржавчина разъедала ее.

* * *

К концу февраля становилось очевидным, что ситуация выходит из под контроля. Складывалось так же впечатление, что создавшейся ситуацией пользуются политические силы, которые были далеки от стремления разрешить кризис спокойно, без эксцессов. Наведение порядка не входило в их планы, хотелось революции и республики, а народная стихия оказалась очень кстати.

– Что происходит? – задавался вопросом Николай II. – Эти политики мечут бисер и ничего не могут поделать. Ведь давал им и время, и

... И сделалась тьма ...

возможности, чтобы покончить с беспорядками, а они? Дума так и не смогла принять никакого решения, то ей подавай «ответственное правительство», теперь решили настаивать на «правительстве доверия», хотят спихнуть с себя ответственность. Этак скоро договорятся до того, что я во всем виноват. Вместо решения хозяйственных вопросов только и ждут передела власти. Что бы там ни было, – думал Николай II, – мое место сейчас в Ставке. Там сейчас решается будущее России. И это главное».

Николай II не знал, что по признанию лидера кадетов П.Н. Милюкова, твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято вскоре после ее начала. В феврале «ждать больше мы не могли, – признавался П.Н. Милюков, – ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования».

* * *

Чем ближе ощущалось морозное дыхание зимы 1914 г., тем тише становились баталии общеевропейской бойни. Обитателям промерзших окопов предстояло испытание холодом независимо от того, к какой коалиции относились эти солдаты. Лето и осень дорого обошлись и России, и Германии. Планы талантливых германских полководцев, планировавших «молниеносную» войну, натолкнулись на ответную стратегию русских, которые сломили их натиск, как это не прискорбно за счет гибели лучшей части своей армии. Что делать? Война, есть война. Те же немцы понесли от русского оружия неисчислимые потери. В таких случаях говорят: «A la guerre comm a la guerre», любая война сама по себе – это безумие. Раньше, чем начинать ее, надо было думать, но причины ее были таковы, что избежать «кровавой бани» было невозможно. Потому и назвали ее Великой войной. Последующие годы показали, что 1914 г. был лишь пробой сил, из которой стали видны возможности и способности каждого из ее участников и поставили под сомнение оскорбительные заявления о бездарности наших командиров.

22 февраля Николай II убыл в Могилев, где находилась его ставка.

Когда поезд с императором тронулся, Николай II перекрестился и устало глядя на иконы, проговорил про себя: «Ну, с Богом!» Мог ли думать русский царь, что ему больше не суждено увидеть столицу его империи и вообще, какая судьба ему уготована? Вот только в последнее время, когда он оставался один, тяжелая грусть-предчувствие чего-то нового и неизбежного все больше завладевала им.

... И сделалась тьма ...

Вошел дежурный офицер.

– Какие будут указания, Ваше величество?

– Какие новости есть о положении в Петрограде?

– Так точно.

– Доложите.

Офицер открыл папку текущих дел, достал нужный лист бумаги: Сообщает Начальник Петроградского гарнизона, – начал он. – «Благодаря мерам, принятым Охранным отделением в столице, несмотря на продовольственные затруднения, беспорядков не ожидается». Вместе с тем по доносу одного из агентов, членов Петроградского комитета большевиков, на Выборгской стороне состоялось совещание по подготовке на завтра антиправительственных митингов». А.Д. Протопопов докладывает: «Его Величество может ехать к доблестным русским войскам спокойно. Мы полностью контролируем положение. Нет повода для серьезного беспокойства».

– Ну, вот видите, – воскликнул Николай II, – Они спокойны, ситуация в столице «под контролем». А всякая сволочь типа Родзянко пытается испугать меня своими назойливыми докладами. Но я их не боюсь. И вообще, пора их гнать к черту и не слушать. Вот Протопопов докладывал, что им разработан план ликвидации беспорядков: всех их главарей он знает и может произвести аресты хоть сейчас, но он выжидает, когда те явно высунутся, тогда головы их буйные полиция и жандармерия снесут одним махом. И поделом им. Ладно, достаточно. – Обратился он к дежурному, – Час прошу ко мне ни кого не пускать.

– Подайте чаю и справку об основных кампаниях войны, начиная с августа 1914 г.

Дежурный вышел. Когда он вернулся, то на подносе у него стоял хрустальный стакан в тяжелом белого и желтого золота подстаканнике и вензелем «Н II» с ароматным свежим и горячим чаем, в котором плавала лимонная долька. Под мышкой он держал тонкую кожаную папку.

– Что еще прикажете, Ваше величество? – ставя стакан на стол в блюдечко с тем же вензелем и подавая папку.

Когда дежурный ушел, Николай II, отхлебнувший с удовольствием душистого чаю, закурил папиросу и углубился в чтение справки, которую подготовил ему Сухомлинов со своими помощниками.

– На русско-германском фронте в 1914 г., – читал он, – произошло крупное сражение: Восточно-Прусская операция, в которой русская армия заявила свою способность победить, но по разным причинам эта способность не была реализована до конца. В сентябре 1914 г. произошла битва на Марне, в которой французам удалось переломить ход боевых действий и отбросить

... И сделалась тьма ...

вторгшиеся на ее территорию немецкие войска назад на фронте от Вердена до Амьена на 50-100 километров, чему способствовала русская помощь французам в живой силе и вынужденная переброска нескольких германских корпусов из Франции в Восточную Пруссию против русских армий.

На сербском фронте дела шли для австрийцев неуспешно. Несмотря на большое численное превосходство, им удалось занять Белград только 2 декабря, но 15 декабря сербы отбили Белград и выбили австрийцев со своей территории.

29 и 30 октября 1914 г. турецкий флот под командованием германского адмирала Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. 2 ноября 1914 г. Россия объявила Турции войну, а 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция. Возник Кавказский фронт между Россией и Турцией, а уже в декабре 1914 – январе 1915 гг. в ходе Сарыкамышской операции русская Кавказская армия остановила наступление турецких войск на Карс, затем разгромила их и перешла в контрнаступление.

В 1915 г. Германия решила нанести основной удар на восточном фронте, пытаясь вывести Россию из войны. В ходе кампании 1915 г. Германии и ее союзникам удалось продвинуться далеко вглубь российской территории. В ходе сражения в Мазурии германские войска выбили 10-ю русскую армию из Восточной Пруссии и окружили 20-й корпус этой армии. Но последующее наступление немцев потерпело серьезную неудачу. Германские войска были разбиты и отброшены назад в Восточную Пруссию.

Зимой сражение между русскими и австрийцами за перевалы в Карпатах завершилось осадой и падением Перемышля — капитулировала важная австрийская крепость.

В мае германо-австрийским войскам, сосредоточив превосходящие силы в районе Горлице, удалось прорвать русский фронт. После этого началось общее стратегическое отступление русской армии из Галиции и Польши.

– Что ж, – подумал Николай II, откладывая рукопись и закуривая новую папиросу, – положение сложное, но не безнадежное. Никто и не надеялся на легкую победу. Наш враг достаточно силен, но и мы воевать умеем, и 1914 г. показал это. К тому же Сухомлинов упустил одно важное обстоятельство: когда нам не везет, то наши войска, как правило, отступают организованно, а немцы бегут, бросая технику и оружие.

Николай II отхлебнул еще чаю и продолжил чтение: «С целью вывода Турции из войны англо-французские войска попытались провести операцию по захвату черноморских проливов и Стамбула. Высадив десант на Галлипольском полуострове 19 февраля 1915 г., они в течение всего года безуспешно пытались сломить сопротивление турецких войск. В результате,

... И сделалась тьма ...

понеся большие потери, союзники в конце 1915 г. были вынуждены эвакуировать свои войска в Грецию.

В конце 1915 г. Германии и Австро-Венгрии, при поддержке вступившей в войну Болгарии, удалось разбить Сербию и захватить всю ее территорию. Чтобы противодействовать германо-австрийским войскам на Балканах, Великобритания и Франция высадили десант в районе Салоник, создав Салоникский фронт, а итальянские войска высадились в Албании».

– Да, – подумал Николай II, – 1915 год выпал неудачливым для нас. Ну, с союзниками все ясно, – промелькнуло в его голове, – без нашей поддержки они мало что могут. Поэтому и попрошайничают постоянно.

– На Кавказском фронте, – читал он, – в июле нашей войска отразили наступление турецких войск в районе озера Ван, после чего боевые действия распространились на территорию Персии, русские войска разгромили протурецкие вооруженные отряды и взяли под контроль территорию Северной Персии, предотвратив выступление Персии против России и обеспечив левый фланг Кавказской армии.

– Вот вам и реальные победы. Только почему-то всякие кликуши обращают внимание на европейский театр, как будто война на других территориях не требует от нас усилий и ресурсов.

Далее отмечалось, что 23–26 ноября 1915 г. в штабе французской армии в Шантильи состоялась вторая межсоюзническая конференция. Она признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению всех союзных армий на трех главных театрах: французском, русском и итальянском. В 1915 г. германское командование так и не добилось решительного успеха на Восточном фронте, после чего было принято решение в 1916 г. нанести основной широкомасштабный удар на Западе.

– Вот же, – с удовольствием еще раз прочитал Николай II, – «так и не добились» в тяжелом для нас 1915 г. Это реальный результат, Ане подрывная демагогия наших противников.

Французы и те проявили себя в феврале 1916 г., когда германские войска начали наступательную операцию в районе крепости Верден и «после упорных боев с огромными потерями с обеих сторон немцам удалось продвинуться на 6–8 километров вперед и взять некоторые из фортов, но их наступление было остановлено». Вот тебе и «чудеса» немецкого оружия! Скоро они сполна получают, а то, ишь, разохотились. Повеселев, Николай II отхлебнул еще остывающего чаю и в задумчивости посмотрел стакан на просвет прочитал следующий фрагмент: «В июне 1916 г. началась крупная наступательная операция трех русских фронтов, получившая название «Брусиловский прорыв», по имени командующим Юго-Западным фронтом А.А. Брусиловым. В результате наступательной операции фронт был прорван

... И сделалась тьма ...

на протяжении 340 км. и нанесено серьезное поражение австро-венгерским войскам в Галиции и Буковине». Николай II оторвался от чтения, вспоминая триумф прошлого лета: «Задали тогда, наши орлы, перчу австриякам. А все говорят, что наши генералы воевать не умеют. Умеют! Еще как умеют! – С восторгом воскликнул он. – Молодцы! Один Каледин Алексей Максимович чего стоит, молодец атаман! Лихо он тогда под Луцком прорвал оборону немцев. Да с такими генералами мы не одну войну выиграем.

Да, – вспоминал Николай II, – после тяжелого 1915 г. «Брусиловский прорыв» был явным подарком. На какое-то время он вновь поднял волну патриотизма. Ставка постаралась и спланировала хорошую операцию сразу трех фронтов. Тогда-то Брусилов и отличился. Как он тогда на сомнения Рузского и твердо заявил: «У нас есть все шансы на успех, в котором лично я убежден». А эти наши шептуны постоянно сеют какие-то сомнения, а Брусилов с его «бездарностями» смог отличиться? Такие имена, как А. Деникин, А. Каледин, Л. Корнилов стоят много. Явно можно сказать – цвет русской армии. Так, ну а что у нас за 1917 г.?».

Николай II, довольный воспоминаниями, вернулся к справке. «Успехи русской армии – читал он дальше, – побудили Румынию выступить на стороне Антанты и 28 августа объявить Австро-Венгрии войну, однако к концу года румынская армия была разбита, а большая часть территории страны – оккупирована.

На Кавказском фронте в ходе ряда операций в начале года русские войска овладели городами Эрзерум и Трапезунд.

Военная кампания 1916 г. ознаменовалась важным событием. 31 мая–1 июня произошло крупнейшее за всю войну Ютландское морское сражение, которое продемонстрировал явный перевес Антанты».

Николай II взял карандаш и приписал: «В начале 1917 г. русская армия потерпела самое серьезное поражение за всю Великую войну, но это произошло не на полях сражений, а в солдатских окопах. Внутри армии проникли и получили большое распространение подрывные элементы огромной взрывной силы, они к началу 1917 г. морально разложили солдат и нанесли удар по их патриотическому настроению».

– Но мы еще посмотрим, – твердо решил Николай II, – теперь с Михаилом Васильевичем мы и армию приведем в порядок, и на 1917 г. спланируем такую операцию, что добьемся победы нашего оружия, какой еще никому не удавалось. Да будет Святая Воля Всевышнего и да укрепит нас незыблемая вера в премудрость небеснаго Промысла, Родителя нашего.

Николай II вспомнил разговор с отцом в Ливадии незадолго до его смерти.

... И сделалась тьма ...

– Тебе предстоит, – слабеющим голосом сказал тогда Александр III, – взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я и несли наши предки. Тебе царство, Богом врученное. Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал свой путь, который либералы окрестили реакционным. Но меня интересовало только благо моего народа и величие России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда откроется бесконечная эра смут и кровавых междуусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед престолом Всевышнего. Будь тверд и мужественен, не проявляя никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн, покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа государства.

Николай II отложил записку и вызвал дежурного.

– Николай Николаевич, – обратился он к вошедшему, – пошлите от меня письмо Александре Федоровне.

– Слушаю, – приготовился писать дежурный.

– «Дорогая, – диктовал Николай II, – я еще только час в пути в Ставку, а уже соскучился о всех вас. Как вы там? У меня все хорошо, в вагоне тепло. До встречи. Поцелуй от меня детей. Обнимаю тебя». Это все, – сказал Николай II, – поставьте дату, час, подпись. И вот что, – Николай II какое-то время смотрел на стакан, потом как бы отрываясь от своих мыслей, медленно и задумчиво перевел взгляд на дежурного, – принесите еще горячего чаю.

Николай II взял справку:

– Теперь какую-то муть пишут. Хотят сгладить впечатление от безобразия, которое они сами же допустили в войсках.

... И сделалась тьма ...

* * *

В Могилёве на платформе вокзала литерный поезд с Николаем II встречал начальник Ставки Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев.

Пока царь спускался по ступенькам вагона, духовой оркестр сыграл «Боже, храни царя». Генерал М.В. Алексеев сделал положенные три шага ему навстречу.

– Разрешите доложить Ваше императорское Величество, – начал он.

– Полно-те, Михаил Васильевич, – прервал его Николай II, – давайте без лишних церемоний, – протянул руку. – Здравствуйте, генерал, – и пошел в сторону встречавших, поочередно здоровался по полной форме со всем штабом, потом повернулся к общественности. Из общей массы отделился городской голова с хлебом-солью, чуть подрагивающим голосом торжественно произнес что-то о том, что общественность и все жители города Могилева очень рады.., всегда готовы.., полны патриотических чувств... и что-то еще в этом духе. И затем преподнес хлеб-соль.

Николай II поблагодарил и продолжил здороваться с встречающими, а про себя думал: «Когда же все это закончится?» Ему не терпелось поговорить с Царским Селом, услышать бодрящий и в то же время мягкий с легкой грустью голос Александры Федоровны, узнать у нее о здоровье детей. Когда церемония закончилась, он вернулся в вагон.

– Михаил Васильевич, – обратился он к Алексееву, – через полчаса прошу ко мне с докладом без штаба и карт, это все позже. И, пожалуйста, соедините меня с Царским селом, с семьей.

* * *

Михаил Васильевич Алексеев родился в Екатеринодаре в 1857 г. в простой семье унтер-офицера в запасе, окончил по первому разряду Московское Юнкерское училище. Геройски воевал в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. за что награжден орденами Святого Станислава, Святой Анны 3 и 4 ст., румынским крестом. Как способный офицер был замечен М.Д. Скобелевым и назначен батальонным, а потом полковым адъютантом. Некоторое время был у него ординарцем. С полком в составе отряда генерала М.Д. Скобелева участвовал в боях под Плевной. Был ранен.

В 1890 окончил Академию Генштаба, состоял на службе в Генштабе, где занимался составлением боевых планов и стратегического развертывания; преподавал в Петроградском юнкерском и Николайском кавалерийских училищах, а потом и в Академии.

... И сделалась тьма ...

Участвовал в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. В 1904 Алексеев удостоен звания генерал-майора. В числе наград имеет золотое оружие с надписью «За храбрость».

По окончании японской войны с 1905 г. возглавлял разработки военных планов. 30 октября 1908 г. за отличия по службе ему присвоено очередное звание генерал-лейтенант. В то же время он назначается начальником штаба Киевского военного округа, при этом он продолжал активно участвовать в составлении военных планов войны.

Первую мировую войну начал начальником штаба Юго-Западного фронта при командующем Иванове Н.И. В 1914 г. он произведен генералом от инфантерии. Уже в первые месяцы австро-венгерские армии потерпели тяжелые поражения. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал Ю.Н. Данилов констатировал: «руководящая роль в исполнении операции на Юго-Западном фронте принадлежала начальнику штаба этого фронта, генералу Алексееву». После взятия Львова, Алексеев награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в генералы от инфантерии. В связи с ожидавшимся германским наступлением он в марте 1915 г. переведен на командование армиями Северо-Западного фронта и, когда летом 1915 г. германское главное командование решило нанести превосходящими силами основной удар по русским войскам, ни одна армия, ни одна дивизия не попала в окружение и вышли из «подольского мешка», а Людендорф и Гинденбург не смогли завершить ни одного из запланированных окружений. Тем самым Алексеев фактически спас фронт.

Когда 18 августа 1915 г. император Николай II лично встал во главе Вооруженных Сил, то под давлением командующего состава он назначил генерала Алексеева начальником штаба Верховного Главнокомандующего. К весне 1917 г. – критический период на фронте – Михаил Васильевич стал фактически руководителем русской армией, ее общепризнанным крупнейшим военным специалистом. По его оценке под влиянием агитаторов армия «полностью прикоснулась к политике. Она увлеклась митингами, прикоснулась к желанию мира и сохранению своей драгоценной жизни. С этого времени армия превратилась во всероссийский военный митинг, с участием немецких представителей. И в этих митингах умерла или заснула здоровая большая душа русского солдата».

С целью выхода из тупика позиционной войны весной 1916 г. он спланировал проведение совместного наступления трех фронтов – уникальной по своим масштабам военной операции. Стратегическое наступление завершилось крупным успехом Юго-Западного фронта А.А. Брусилова и с лета 1916 г. наметился перелом в войне в пользу стран

... И сделалась тьма ...

Антанты. Много лет спустя У. Черчилль приравнял генерала М.В. Алексеева по стратегическим дарованиям к маршруту Фошу и генералу Людендорфу.

После отречения Николая II М.В. Алексеев был назначен Верховным главнокомандующим, и, будучи сторонником твердой дисциплины, когда, по его оценке, «развал в армии достиг крайних пределов» потребовал восстановления деятельности военных судов в армии, но убедившись в том, что Временное правительство не способно положить конец анти военной пропаганде в армии, рекомендовал командующим, «если где-либо сформировались солдатские комитеты, помимо воли начальства, ввести в их состав офицеров и создать свои – офицерские комитеты, дабы взять ход событий с свои руки, руководить ими, а не сталкиваться бесконечно с явлениями, получившими жизнь явочным порядком». 16 апреля Алексеев писал военному министру Гучкову: «Положение в армии с каждым днем ухудшается; поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению». 21 мая он доложил Керенскому, что «развал армии достиг крайних пределов», и требовал восстановления деятельности военных судов, расформирования полков, отказывающихся исполнять боевые приказы начальников. В ночь на следующий день он был смещен с поста верховного главнокомандующего и заменен А.А. Брусиковым. Узнав об этом, со слезами на глазах, грустно произнес: «Пошляки, рассчитали, как прислугу».

После провала корниловского выступления по просьбе Керенского с 30 августа он вновь принял на себя должность начальника штаба верховного главнокомандующего. По его словам лишь с той целью, чтобы спасти Корнилова и его офицеров. 1 сентября арестовал Корнилова с соратниками и отправил их в Быхов под охрану верных Корнилову войск. Отношение к корниловцам высказал в письме редакции «Нового Времени» Б.А. Суворину: «Россия не имеет права допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сынов и искусных генералов. Корнилов не покушался на государственный строй; он стремился, при содействии некоторых членов правительства, изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных и энергичных. Это не измена родине, не мятеж...». 10 сентября он подал в отставку.

Будучи последовательным монархистом, М.В. Алексеев создал монархическую организацию «Алексеевское общество», а после октябрьского переворота большевиков отбыл в Новочеркасск, где сразу энергично продолжал создание своей организации и создал ядро Добровольческой армии. 2 декабря 1917 г. в Новочеркасске он опубликовал обращение к офицерам, в котором призывал их «спасти Родину». Этот день принято считать днем основания Добровольческой армии. Эта армия обещала

... И сделалась тьма ...

охранять гражданские свободы, пока избранное Учредительное собрание не выскажет свою волю, но уже в 1918 он заявил, что «лозунг Учредительного собрания изжит и народ тоскует по монархии».

Армия формировалась из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, студентов-кадетов, гимназистов старших классов и других. Алексеев стал ее верховным руководителем. В воззвании, Добровольческая армия обязывалась стоять на страже гражданской свободы, «в условиях которой хозяин земли русской, ее народ, выявит державную волю». Вскоре из Быхова прибыл в Новочеркасск генерал Корнилов и по соглашению с Алексеевым, он занял пост Командующего армией, но 31 марта 1918 г. при штурме екатеринодара погиб, тогда Алексеев обратился к генералу Деникину со словами: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогай вам Бог». Сам же возглавил «Особое совещание» на территории, на которую распространялась власть Добровольной армии.

М.В. Алексеев скончался 25 сентября 1918 г. и был торжественно похоронен в усыпальницы Екатеринодарского Войскового собора. В начале 1920 г. вдова генерала, Анна Николаевна, настояла на том, чтобы прах генерала был перенесен в Сербию. Ныне на Новом кладбище в Белграде стоит скромный памятник генералу Алексееву, прослужившему в армии 55 лет.

Россия, Петроград Двадцатые числа февраля 1917 г.

После отъезда Николая II в Ставку в Петрограде уже с 23 февраля, как по команде, дело дошло до политических демонстраций и митингов. Смутьяны будто ждали, когда царь покинет столицу. В этот день усиливались слухи об измене в правительстве, о скором введении карточек на хлеб. А так как он вообще исчез из лавок и магазинов, начались их погромы. Беспорядки в городе начались на следующий день после отъезда царя на фронт и все последующие дни продолжали нарастать с невероятной быстротой. Толпы полупьяных городских низов слонялись по городу, наводя ужас на добропорядочных граждан. Постепенно активизировались агитаторы, которые хриплыми, сорванными на митингах голосами призывали толпы народа требовать хлеба, свержения царя и прекращения войны. Под их влиянием эти толпы становились колоннами, украшенными красными транспарантами. Ходили разговоры, что организаторы этих колонн и митингов за участие в них раздают участникам деньги и угощают водкой.

Когда терпение Николая II наконец лопнуло и он приказал Петроградскому гарнизону навести наконец порядок. Но было уже поздно,

... И сделалась тьма ...

даже солдаты в массовом порядке под влиянием агитаторов стали переходить на сторону бунтовщиков.

Беспорядки усилились, когда кто-то из сообразительных деятелей приказал захватить городскую тюрьму и выпустить заключенных. Вскоре после этого запылал Городской суд. Когда к прочим беспорядкам добавился разгул бандитизма, было принято постановление «Об учреждении милиции». Теперь в дополнение к 6-ти тысячам полицейских прибавилось 40 тысяч милиционеров для охраны предприятий и поддержания в городе порядка. Когда выяснилось, что и этого мало, были созданы боевые рабочие дружины.

Кульминационным днем последних событий в Петрограде стало 27 февраля. Тысячи взбунтовавшихся солдат пришли к Таврическому дворцу и заняли все его помещения. Толпа солдат оказалась в зале, где заседала Государственная дума. В этот день заседание Госдумы открылось в 14 часов 51 минуту. Председательствующий М.В. Родзянко предложил депутатам стоя выслушать указ Государя Императора. Все встали в томительном ожидании новостей. Родзянко зачитал высочайший Указ о временном роспуске Думы до 1 апреля, после чего нехотая гаркнул: «Государю Императору «УРРРА!» и совсем нелепо думцы выглядели, когда дружно подхватили: «УРА...А...А!». После чего Родзянко объявил заседание Думы закрытым.

Член Госдумы, признанный лидер монархистов В.В. Шульгин, протирая пенсне, обратился к своему соседу:

– Я наблюдаю за Михаилом Владимировичем много лет и вот к какому прихожу выводу, – иронически заметил он, – все-таки его главное качество не в его уме, а в голосе, у него отличный бас.

Пока в зале происходило это действие, за дверями по длинному коридору нарастал шум и топот множества сапог. Не успело смолкнуть трагикомическое «Ура», как двери широко распахнулись, и в дверях шумно обозначилось скопление солдат. Этой встречи ожидали и те, и другие. Однако, в первый момент никто не знал, а что же делать дальше? Солдаты смотрели на думцев, а те смотрели на солдат.

Из толпы выделился один, сравнительно приличного вида солдат. Он молча с угрюмым выражением лица поднялся на трибуну, снял шапку и оглядел залу.

– Значит так, граждане-товарищи, – начал он, – что будем делать? – Члены Думы не понимая, что происходит, замерли глядя на солдата. – Вот вы нас агитировали на митинги и демонстрации. Мы послушали агитаторов. Нам говорили: «требуйте хлеба, мира, отречения Николашки», мы потребовали. Что же теперь будем дальше делать? Война продолжается, хлеба нет, царя не свергли. Мы и спрашиваем: куда нам теперь идти? По домам? Вы люди городские, а нам скоро пахать землю. Или назад в казармы? На фронт?

... И сделалась тьма ...

А заодно и вас прихватить с собой, посидите во вшивых, мокрых, холодных окопах, может решите чего путного.

Члены Думы заерзали на своих местах. Фактически им было предложено возглавить восставших солдат. Но большинство думцев к этому не было готово, не хотело и не стремилось к этому, да и попросту боялось этого. Но, если не принять предложение солдат, тогда оказывалось, что фактически они поддерживают царизм, и что с ними за это будет? (Вспомнили о недавно перебитых в казармах офицерах). Когда они начали это осознавать, то стали вставать и расходиться, расталкивая в дверях солдат. Вскоре нервы не выдержали и они, уже в панике вскакивали со своих мест и под хохот, свист и улюлюканье солдат кинулись вон, с трудом пробиваясь через толпу.

В зале осталась кучка депутатов, в основном представителей левых фракций. Когда шок прошел, председатель Госдумы М.В. Родзянко позвонил в колокольчик.

– Товарищи, – обратился он к солдатам, – Временный Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов принял решение провести выборы в Петроградский совет, поэтому не волнуйтесь, организованно расходитесь по своим казармам и безотлагательно проводите у себя такие выборы, завтра к 19 часам присылайте ваших избранников в левое крыло Таврического дворца, в 21 час состоится заседание Петроградского Совета рабочих депутатов.

После этого толпа начала медленно расходиться. Последними из залы вышли левые депутаты. На полу в дверях остались грязь от сапог, плевки и окурки самокруток.

М.В. Родзянко и несколько оставшихся с ними депутатов в задумчивости смотрели им вслед.

– Господа, – наконец проговорил он, – прошу вас, обойдите весь дворец и если встретите кого из наших, пригласите их сюда через час на экстренное заседание.

В Петроградский Совет было избранно большинство меньшевиков и эсеров. Его председателем стал меньшевик Н.С. Чхеидзе, который считался самым образованным марксистом на Кавказе. Заместителем председателя Исполкома стал трудовик А.Ф. Керенский, который, разобравшись в расстановке сил и поняв, что наиболее перспективные позиции занимают эсеры, на следующий день вступил в их партию.

М.В. Родзянко, видя, что Дума и ее либералы фактически потеряли власть, вернее сказать, левые вовремя сообразили и вырвали у них эту власть, провел экстренное заседание в ночь на 28 февраля, которое приняло решение формально исполнить указ царя о роспуске Думы, но заменить ее Временным

... И сделалась тьма ...

комитетом Государственной думы. Комитет заявил, что берет власть в свои руки. Петроградский Совет признал этот Комитет.

В сфере политики оставался один вопрос – будущее царской власти. Ситуация складывалась таким образом, что Временный комитет склонялся к неизбежности отречения Николая II в целях сохранения монархии в пользу царевича Алексея под регентством Михаила Александровича. Все дело теперь упиралось в то, как это возможно менее безболезненно провести.

М.В. Родзянко связался по прямому телефону с генералом М.В. Алексеевым.

– Михаил Васильевич, как Государь?

– Внешне спокоен, даже инфантилен, гуляет, читает, по ночам крепко спит. Но я знаю его – нервы у него напряжены до предела, всю информацию переваривает, не уступает ни в чем и готов идти до конца.

– Вам предстоит тяжелая миссия, – растягивая слова, заявил Родзянко, – склонить Государя к принятию непростого решения. Пришло время. Промедление смерти подобно. Еще один неверный шаг, и стихия сметет всех нас. От Вас, Михаил Васильевич, теперь зависит все.

– Михаил Владимирович, Вы отдаете отчет, на что меня толкаете?

– Это не только мое желание, это общее решение.

– Вы там в Питере довели ситуацию до крайности, молчали, вовремя не информировали о возможном развитии событий, теперь же не справляетесь с ситуацией, а я должен подвинуть царя к противоправному шагу. Вы помните, что царь не может сам отречься от престола?

– Михаил Васильевич, я все помню и все понимаю. Не время, не время на взаимные упреки, Россия и будущее монархии в опасности. Телеграфом шлю Вам проект отречения, составленный В.В. Шульгиным в духе верноподничества, подработайте его и передавайте императору. Я знаю, что он недавно отбыл в Царское село, вряд ли он попадет туда, на обратном пути наверняка заедет в Псков. Подключите Н.В. Рузского, он человек надежный и так же, как мы, любит Государя нашего. С Богом, Михаил Васильевич, да не оставит он нас в эту тяжелую минуту.

«Мягко стелит, – подумал М.В. Алексеев, – да жестко спать. Они там делят власть, а я за эту власть должен грех на душу принять. Но в этой мутной воде ничего не поделаешь. Не ровня час не те, так другие раздавят».

*Россия, Могилев
Ставка Верховного
главнокомандующего
русской армией Николая II*

Каждое утро Николай II внимательно заслушивал доклады с фронтов и ход подготовки к широкомасштабному наступлению в компании 1917 г. Однако его пребывание в Ставке не ускорило подготовки наступления русской армии, так как царь, а вместе с ним и вся Ставка во главе с генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым вынуждены были постоянно отвлекаться и разбираться с положением дел в Петрограде.

Решение о смещении Николая II и замене его другим царем созрело еще в начале войны, а после стабилизации положения на фронте в 1916 г. думская оппозиция пришла к заключению, что ждать больше невозможно. Начало 1917 г. казалось удобным для выполнения планов заговорщиков. П.Н. Милюков поучал своих сторонников: «Ждать больше мы не можем, так как в конце апреля или вначале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты которого сразу в корне прекратят всякие намеки на недовольство и вызовут в стране взрыв патриотизма и ликования».

26 февраля 1917 г. Николай II получил первую тревожную телеграмму от М.В. Родзянко, в которой сообщалось о начавшихся стихийных волнениях и их угрожающих размерах: «Основа их – недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения».

Эта телеграмма Родзянко стала «клише», по которому он в ближайшие дни будет в панике атаковать царя, и Ставку, усиливая акцент на слабости власти, пока прямого не потребует отречения Николая II.

Получив сообщение Родзянко, Николай II распорядился отправить командующему Петроградским гарнизоном генералу С.С. Хабалову телеграмму с требованием «прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны». В ответ на что он получил очередную телеграмму от М.В. Родзянко: «Гражданская война началась и разгорается... На войска гарнизона надежды нет... Если движение перебросится в армию, крушение России, а с ней и династии – неминуемо».

Перепуганные С.С. Хабалов, военный министр М.А. Беляев, брат царя Михаил Александрович заваливают Ставку телеграммами, просят М.В. Алексева убедить царя пойти на уступки. После тяжелого разговора с Николаем II у Михаила Васильевича поднялась температура, и он свалился в постель. А царь вызвал к себе генерала Н.И. Иванова.

... И сделалась тьма ...

– Николай Иудович, петроградские болтуны довели дело до полного хаоса, а теперь пугают меня революцией и требуют уступок. Но мой учитель К.П. Победоносцев объяснял мне, что в таких ситуациях – только карательные меры и никакого думского лимонада. Помните, как в 1905 г. уладили Москву. Вот так Вам предстоит сейчас навести порядок в Петрограде. Генерал С.С. Хабалов не справляется. Надо же, как получается. Сергей Степанович всем известен, как человек обладающий большим умом, проявил себя в военной науке, блестящий организатор, все годы службы был безукоризнен, а в качестве командующего войсками Петроградского военного округа ни как себя не проявил. Во истину каждому свое. Его дело обучать будущих офицеров, да налаживать тыловые работы. Так, что, Николай Иудович, принимайтесь за дело.

Генералу Н.И. Иванову дважды объяснять не надо было. Он был служака – человек из низов, уже в возрасте, но энергии ему было не занимать, не чета жидким штабным генералам, как раз подходящий на роль диктатора.

– Ваше Величество, не извольте беспокоиться, все исполним в лучшем виде.

* * *

В ночь с 27 на 28 февраля царский поезд отправился в Царское Село. Несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на Николая II в последние дни, он не перестал думать о семье, переживал за болезнь детей, скучал по Александре Федоровне, ему не хватало ее участия и умного, доброго слова. Мучился от того, что ни на кого нельзя положиться: «Вовремя убрали Гришу, неужели уже тогда они замыслили свой сговор? Знали, что Гриша не допустит этого, всех выведет на чистую воду. Значит, сговаривались, но боялись и боятся по сей день. Ну, что ж, посмотрим, что из этого выйдет. Н.И. Иванов доберется до Петрограда, он им покажет манифесты. Хотели видеть во мне деспота, получите своего «Николая Кровавого». Полномочий у Иванова достаточно, и рука не дрогнет. Карательной экспедиции генерала Иванова не суждено было сбыться. Питерские солдаты блокировали подступы к городу и никого туда не пускали.

«О...ох! Тяжела ты шапка Мономаха», – Николай II перекрестился и приготовился ко сну.

Но прежде, чем уснуть он открыл наугад Евангелие от Матфея и начал читать:... через два дня будет Пасха и Сын Человеческий предан будет на распятие. Собрались первосвященники и книжники и положили взять его хитростью и убить. Говорит Иисус своим ученикам: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь ибо написано «поражу пастыря, и рассеются овцы стада»,

... И сделалась тьма ...

душа Моя скорбит смертельно. И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. Да сбудется воля Твоя.

Вот тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня.

Тогда все ученики, оставивши Его, бежали.

Николай II отвлекся от чтения, тяжело вздохнул и повернулся на бок. На память ему пришла эпиграмма в прошлом хорошо известного в кругах газетчиков поэта Л. Залмаева:

Они друзья, когда им надо,
И льстят тебе, и руку жмут,
Не нужен стал, проходят рядом,
И головою не кивнут.

«Во истину, – подумал Николай II, – ты хорош, когда нужен им, а как стал неуютен, так, как «на разбойника» готовы пойти на тебя с «мечами и кольями». Он перевернул страницу Библии и продолжил чтение:... какое же зло сделал Он? Но народ еще сильнее кричал в неистовстве: «Распни его!»

Распявшие Иисуса делили одежды его и поставили над головою Его надпись означавшую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский. И раздралась завеса в храме надвое сверху до низу: и земля потряслась; и камни расселились; и тьма была по всей земле.

Николай II задумался над прочитанным, но измученный событиями последних дней не заметил, как заснул под мерный перестук колес и не почувствовал, как, выпавшая из его рук, Библия упала на пол и закрылась.

* * *

Уже у Петрограда на станции Малая Вишера поезд императора остановился, так как ближайшие станции Тосно и Любань были заняты революционными солдатами. В дверь Николая II осторожно постучался и вошел дежурный офицер, доложил обстановку.

– Какие будут распоряжения, Ваше Величество, – спросил он.

Николай II задумался, долго смотрел в окно, затем резко повернулся, прямо и твердо взглянул на офицера, в глазах его мелькнула скрытая ярость, но он подавил в себе это состояние и спокойно в надежде попасть в Царское Село через Псков окружным путем, сказал: «Едем в Псков через Бологое».

– Слушаюсь, Ваше Величество, – офицер повернулся и вышел.

... И сделалась тьма ...

«Не хотят меня пускать, – подумал Николай II, – обкладывают как волка красными флажками. Не хотят, значит еще боятся, а коли так, то не все еще потеряно, значит еще поборемся. Прости, Господи, мне мои прегрешения. С тяжелым сердцем иду на них ради Отечества, а эти невежды думают: свергнут меня, и все изменится в одночасье. Изменится-то оно изменится, вот только в какую сторону?»

Углубленный в свои мысли Николай II не сразу почувствовал, когда поезд вновь начал движение, и колеса стали набирать обороты, затеяв свой неперемный перестук, как бы передавая по всей линии следования: «Внимание, едет русский Царь!».

В Псков царский голубой с золотыми орлами поезд прибыл 1 марта в 19 часов, на вокзале его никто не встречал. Впрочем вскоре прибыл командующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский.

* * *

Николай Владимирович Рузский, 1854 года рождения, генерал от инфантерии, Генерал-адъютант. Образование получил во 2-м Константиновском училище и Николаевской академии Генштаба в 1881 г. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-78, отличался отвагой и хладнокровием, был ранен. После войны служил в штабах различных войск, командовал полками. В 1902 г. назначен начальником штаба Киевского военного округа. Во время русско-японской войны после Шахейского сражения воевал начальником полевого штаба 2-й Маньчжурской армии. По возвращении в Россию стал членом Военного совета. Принимал участие в разработке уставов и наставлений, автор Полевого устава. В 1912 г. его вновь назначили (с оставлением членом Военного совета) помощником командующего войсками Киевского военного округа. С началом I мировой войны командовал армией на Юго-Западном фронте.

Имя Николая Владимировича Рузского стало широко известно в годы Великой войны в ряду таких заслуженных лиц как М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, П.А. Плева, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов. На Юго-Западном фронте в то время собрались талантливые командиры, командующий фронтом Н.И. Иванов, начальник его штаба – М.В. Алексеев, что обеспечило его победы, но с другой стороны, между ними явно обозначились трения, так как все они оказались людьми, знающими дело и самостоятельными, привыкшими настаивать на своем мнении. У Рузского начальником штаба служил генерал Драгомилов, 8 армией командовал А.А. Брусилов.

Во время Галицийской битвы 1914 г. армия Рузского успешно наступала на Львов и перешла границу, сократив фронт со 120 до 75 км, после чего он ...

... И сделалась тьма ...

предпринял рискованный лобовой удар по австро-венгерским войскам. Несмотря на тяжелейшие битвы и неудачи, Рузский продолжал упорное движение на Львов, который считал важнейшей целью своего наступления. Его армия, действуя совместно с 8-й армией генерала Брусилова, наносила главный удар в направлении на Львов и Галич. Ставка требовала «непреклонно ураганного наступления», которое по замечанию А.А. Брусилова «было необходимостью помочь англо-французам, чтобы нашими наступательными действиями оттянуть хотя бы часть вражеских сил с Западного фронта».

6 августа армия Рузского перешла в наступление и в течение недели преследовала отходившие австро-венгерские войска, в результате она продвинулась на 90–100 километров. В сражениях у рек Золотая Липа и Гнилая Липа противник попытался остановить наступление 3-й армии на Львов, но при поддержке 8-й армии Рузский смог добиться победы. Австрийцы отступали, бросая орудия, боеприпасы, даже стрелковое оружие. 14 августа он нанес решительное поражение 3-й австро-венгерской армии генерала Р. Брудермана и отбросил ее по всему фронту, а 17 августа прорвал австро-венгерский фронт, после чего армия Рузского взяла Львов. Занятие Львова создало Николаю Владимировичу популярность в общественных кругах. За успешные действия он был награжден орденом Св. Георгия сразу 4-й и 3-й степени, а имя его приобрело громкую известность. Причастный к взятию Львова Брусилов с чувством досады отозвался о Николае Владимировиче как о «человеке умном, знающем, решительном, но очень самолюбивом, ловком и старающемся выставить свои деяния в возможно лучшем свете, но иногда в ущерб соседям».

После отставки Я.Г. Жилинского Рузский был назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом. Он считал, что действия русских войск в Галиции должны носить оборонительный характер, а все усилия необходимо направить против Германии. Осенью фронт вел непрерывные тяжелые бои, в которых его постиг ряд неудач. Однако в этих условиях Н.В. Рузский показал себя как талантливый полководец, способный решать задачи не только в победных ситуациях, но и в условиях фактического поражения. Ему удалось сдержать немцев, а потом и потеснить их на ряде направлений. В сентябре 1914 г. он был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

В ходе Лодзинской операции отдал приказ об отступлении, по тактическим соображениям, несмотря на успешное развитие событий и резкие протесты генералов П.А. Плеве и П.К. Ренненкампа. Результатом действия Рузского стал выход из окружения группировки генерала Р. Шеффер-Бояделя, после чего он настоял на приостановке успешного

... И сделалась тьма ...

наступления Юго-Западного фронта и временном отводе войск. Обвинив в своих неудачах подчиненных, Рузский добился отстранения от командования генералов Шейдемана и Ренненкамппа. Несмотря на достигнутый тактический успех, армии фронта понесли тяжелые потери, более чем в 3 раза превышавшие потери германских войск.

С началом кампании 1915 г. германское командование осуществило наступление против войск Н.В. Рузского и, после упорных боев, немцам удалось занять город Августов, но на пути к Варшаве их ожидала неудача. В сражении под Праснышем Рузский умело организовал оборону, а затем сам перешел в наступление, отбросив противника на территорию Восточной Пруссии.

Командующий Северо-Западным фронтом продолжал настаивать на оборонительной тактике в Галиции, требовал направить все усилия против главного противника – Германии, но Ставка Верховного главнокомандующего после долгих колебаний приняла иное решение: усилить натиск на австро-венгерские войска, переключив Северо-Западный фронт на чисто оборонительные действия. Вскоре, как и предполагал Николай Владимирович, противник овладел инициативой и перешел в общее наступление.

Раздосадованный, чувствовавший моральную и физическую усталость, Рузский передал фронт новому командующему генералу М.В. Алексееву и зачисленный в члены Государственного совета уехал в отпуск для лечения. Поправив свое здоровье, Рузский в июне согласился возглавить отдельную 6-ю армию, прикрывавшую Петроград, а через месяц после разделения Северо-Западного фронта на Северный и Западный Николай Владимирович был назначен на должность командующего Северным фронтом.

Н.В. Рузский не боялся вступать в спор со Ставкой Верховного главнокомандующего, твердо отстаивал свое мнение. Когда в разгар боев зашла речь о перемещениях командующих армиями, он твердо заявил тогдашнему начальнику штаба Ставки генералу Янушкевичу: «Всякую перетасовку во время операции считаю вредной».

Когда пост Верховного главнокомандующего принял на себя сам Николай II, а начальником его штаба стал М.В. Алексеев, Рузский рассчитывал на активную роль Северного фронта, но боеспособность русских войск падала под воздействием революционного брожения, и ему пришлось проявить жестокость, предав суду многие сотни солдат, не желавших воевать. «Рига и Двинск, – докладывал он, – несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда». В результате наступление войск Северного фронта сорвалось.

... И сделалась тьма ...

В марте 1915 г. Рузский вновь заболел и покинул фронт. После выздоровления вернулся на командование Северным фронтом и сразу же отменил спланированную без него высадку десанта армией Р.Д. Радко-Дмитриева в тыл германской армии.

Будучи сторонником порядка и твердой власти, Николай Владимирович в июне 1917 г., когда его пригласили участвовать в совещании высшего командного состава с членами Временного правительства, вслед за генералом А.Деникиным, призвавшим покончить с анархией в стране и армии, и требованием генерала М.В. Алексева восстановить военно-полевые суды, выступил настолько горячо и резко, что Керенский обвинил его в стремлении восстановить царское самодержавие. А уже в октябре на совещании общественных деятелей в Москве он высказался в защиту бывшего верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова, незаслуженно смещенного и арестованного по обвинению в мятеже. За все это он вместе с рядом других генералов, в том числе М.В. Алексеевым, попал в немилость Временному правительству и А.Ф. Керенскому лично.

При планировании кампании 1917 г. по замыслу генерала М.В. Алексева фронту Н.В. Рузского отводилась вспомогательная роль и в апреле 1917 г., под предлогом «распадения» армии, раздосадованный, Рузский оставил пост и вновь уехал лечиться в Кисловодск.

Приход к власти большевиков Рузский встретил откровенно неприязненно. В сентябре 1918 г. он был взят Кавказской Красной армией в число заложников и расстрелян в Пятигорске. Перед расстрелом сам рыл себе могилу. О чем думал Николай Владимирович копая себе могилу? Может о конце февраля – начале марта 1917 г., когда ему – убежденному монархисту, пришлось волей судьбы уговаривать Николая II уйти от власти и о той расплате, которая постигла его сегодня? После объявления приговора красный комиссар задал вопрос: «Признаете ли вы теперь великую российскую революцию?» Он ответил: «Я вижу лишь один великий разбой».

* * *

– Виноват, Ваше Величество – входя в кабинет Николая II, Извинился за опоздание Рузский. – У меня был длительный разговор с М.В. Родзянко для передачи его содержания Вам. Он считает, что ответственного министерства уже будет мало, считает неизбежной династическое решение проблемы.

– Вот, – вспыхнул Николай II, – уступи им в одном, как потребуют большего. Я еще не уверен, нужно ли оно такое министерство, а им уже подавай «династическое решение», – Николай II помолчал и с грустью, глядя в глаза Рузскому, тихо сказал, – «сколько волка не корми...» – и добавил, –

... И сделалась тьма ...

перedel власти – вот, что им нужно, Столыпин был прав – «им нужны великие потрясения», а до России им дела мало.

Тогда Рузский стал с жаром доказывать необходимость немедленного образования ответственного перед палатами министерства. Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения. Первый и единственный раз в жизни Николай Владимирович имел возможность высказать Государю все, что думал и об отдельных лицах, занимавших ответственные посты за последние годы, и о том, что казалось ему великими ошибками общего управления страной и в деятельности Ставки.

Государь со многим соглашался, многое объяснял и оспаривал.

– Для себя, – постоянно подчеркивал он, – в своих интересах я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку. Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, независимо от того будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом или нет. Я не в состоянии, видя что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность.

– Государь, позволю себе не согласиться с Вами, – с трудом проговорил Рузский, – может следует принять формулу: «государь царствует, а правительство управляет».

– Эта формула мне не понятна, надо иначе быть воспитанным или переродиться, чтобы принимать решения против своей совести и перед людьми, сложив с себя ответственность за течение дел и считать, что теперь я не ответственен перед Богом. Посмотрите, кто бы мог управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров? Убежден, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей.

После длительного разговора, Рузский все же вытянул из Государя соизволение ответственного министерства и поручение сформировать первый кабинет М.В. Родзянко.

– Я принимаю решение пойти на компромисс со своей совестью ради блага России, если того требуют обстоятельства, и своего наследника, – заявил он в заключении.

Рузский вышел из вагона Государя и дал приказание вызвать к аппарату Родзянко.

... И сделалась тьма ...

Когда Николай Владимирович вышел от царя на перрон, то оказался в окружении царской свиты. К нему обратился изнеженный салонной жизнью полковник А.А. Нарцисов:

– Что нового, Николай Владимирович?

– Господа, ничего утешительного сказать не могу. Накануне у меня был длинный и трудный разговор с М.В. Родзянко, Питер требует ответственного правительства и настаивает на отречении царя в пользу царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича.

При этих словах граф Граббе тихо охнул и чуть не упал в обморок. Хорошо его вовремя поддержал адъютант и предложил какую-то розовую пилюлю. Тот с благодарностью проглотил ее.

– Да, господа, мужайтесь, – печально произнес Н.В. Рузский, – Дума обессилена и пошла на поводу революционной стихии, но Михаил Владимирович считает, что Думу надо беречь, хотя бы как фетиш власти, а при ее устранении сразу наступит полная анархия, т.к. другой власти в Питере фактически нет.

Окружавшие генерала придворные заговорили все сразу: они возмущались, грозили, требовали, собирались просить царя не губить Отечество.

– И все же, господа, как это не прискорбно, видимо, придется сдаваться на милость победителей, – медленно выговаривая каждое слово, сказал Н.В. Рузский.

– Как так сдаваться? Разве уже пора?! – дрожащим и растерянным голосом спросил дворцовый комендант В.Н. Воейков. Давайте я лично поговорю с М.В. Родзянко.

Н.В. Рузский с жалостью посмотрел на него: «Он даже не подойдет к аппарату, когда узнает, что у аппарата Вы». В.Н. Воейков сконфузился и замолчал. Рузский обратился к собравшимся: «Извините, господа, я должен идти, служба».

– Связь Государю наладили? – спросил он не останавливаясь коменданта.

– Так точно.

– Господин генерал, – подскочил к нему запыхавшийся дежурный, – Вас ожидает у аппарата М.В. Родзянко. Я сказал ему, что Вы у Государя, и он просил соединить, как только Вы освободитесь. «Легок на помине, – подумал М.В. Рузский и, обращаясь к дежурному, – Сейчас иду».

Придворные «гуськом» потянулись в поезд. На платформе остался один престарелый Министр императорского двора граф Владимир Борисович Фредерикс – старый, семидесяти восьмилетний, добрый и беззащитный Фредерикс, от которого давно и ничего не зависело, и ему давно уже хотелось

... И сделалась тьма ...

только покоя и уюта. Он стоял на платформе один, никто не позвал его в вагон, один – как никому не нужные старые колоши, и растерянно хлопал глазами, губы его застыли в растерянной улыбке, которая появляется на лицах людей в момент чего-то неожиданного, расстраивающего все их жизненные планы, и заставляет поступать помимо своей воли. Как бы очнувшись от своих мыслей, он хотел, что-то сказать, но увидел, что все разошлись, досадливо махнул рукой и засеменил к поезду, глядя себе под ноги, боясь поскользнуться или споткнуться.

В коридоре поезда он столкнулся с Воейковым.

– О чем задумались, Владимир Борисович? – участливо спросил он.

– А у меня в Петербурге, знаете, – как-то невпопад ответил Фредерикс, – ограбили и сожгли особняк. Не пойму, что я им сделал плохого и вообще-то при чем мой особняк? Зачем его было жечь? Он что, мешал кому-то? Беда, ох, беда...

За остававшееся до очередного приема царем время генерал Рузский сосредоточился на анализе переговоров с М.В. Родзянко, суть которых он, собственно, и собирался передать Николаю II. Он решил не высказывать от себя никаких мыслей, понимая, что от его доклада зависит очень много, к тому же М.В. Родзянко прямо и откровенно изложил и положение дел, и требования. При таком докладе Николай Владимирович надеялся избежать и гнева царя, и обвинения со стороны М.В. Родзянко в неточности передачи разговора. Когда Рузский снова вошел к царю, тот, как всегда, внешне был спокоен. Перед ним лежала книга о Цезаре, а потому как он быстро поднял взгляд от нее стало ясно, что он не читал, а лишь листал страницы, но мысли его были далеки от человека, имя которого лежало в основе его титула: Цезарь – царь.

– Входите Николай Владимирович. Какие новости из Петрограда?

– Ваше Величество, у меня состоялся очередной длинный и откровенный разговор с М.В. Родзянко. Я сказал, что Вы ожидаете его приезда. К сожалению, выяснилось, что его приезд невозможен, о чем он сожалеет. Солдаты, высланные вами в Петроград, взбунтовались под влиянием агитаторов, в Луге они объявили себя присоединившимися к Государственной думе, а потому решили отбирать у всех оружие и никого не пропускать в город, даже литерные поезда.

«Ох, уж эти мне агитаторы-революционеры, – с досадой подумал Николай II, – совсем как в 1905 г. в Москве. Вот они – настоящие предатели Отечества».

– Родзянко озабочен так же тем, что его приезд в ставку может повлечь за собой нежелательные последствия, – продолжал доклад Рузский, – так как до сих пор все верят только ему и исполняют только его приказания.

... И сделалась тьма ...

«Ну, прямо новый Буанапарте, – с горечью подумал Николай, – единственный спаситель Отечества».

– А, что, прервал государь Рузского, – Как Вы находите Родзянко? У меня складывается впечатление, что человек он несамостоятельный, хотя всяк стремится показать свою исключительную роль. Вот наш министр внутренних дел господин Маклаков пытается убедить меня, что он только исполнитель, напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители, г.г. Гучковы, кн. Львов и другие, систематически идущие к своей цели.

– Ваше величество, я человек военный и плохо понимаю в политике и вообще мне трудно, будучи оторванным от Питера, мне трудно разобраться в хитросплетениях нынешней политической жизни. На мой взгляд, очевидно одно, что кто-то давно ведет закулисную игру.

– Ну, ладно, что там еще?

– Я доложил Михаилу Владимировичу, что Вы, Государь, сначала предполагали предложить ему составить министерство, ответственное перед царем, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, выразили готовность и уполномочили меня довести до его сведения: создать ответственное перед законодательными палатами министерство, с поручением ему – Родзянко, образовать кабинет.

На это Родзянко заявил, что Вы, Ваше Величество, не отдаете себе отчета в том, что происходит в Питере. Он считает, что настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко; в течение двух с половиной лет он неуклонно, при каждом всеподданнейшем докладе, предупреждал о надвигающейся грозе, если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Он обвиняет Правительство в том, что в самом начале движения министры стушевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера. В то время, как началось братание войск с народными толпами, войска шатались по улицам, и толпа им кричала – «ура». Перерыв в деятельности законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной думе вообще, а ему, в частности, – подчеркнул Родзянко, – оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе его для того, чтобы избежать анархии при том расслоении, которое грозило бы гибелью государству. Далее он признал, что, к сожалению, далеко не все ему удалось; народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы, они не только не слушаются, но убивают своих офицеров.

Зная нежное отношение царя к Александре Федоровне, Рузский пожалел Николая II и не передал ему слова Родзянко о том, что ненависть к ней, по его мнению, дошла до крайних пределов.

... И сделалась тьма ...

– Государь, – выдержав паузу, продолжал Рузский, – Родзянко вынужден был всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Он опасается, что такая же участь постигнет и его, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях, поэтому, считает он, создавать ответственное правительство уже поздно. Этим массы теперь не успокоишь и предполагаемых Вами, Ваше Величество, мер недостаточно, а династический вопрос поставлен ребром самой жизнью.

– Нет, надо же? – взорвался Николай II. – Он еще и дерзит, все хочет спихнуть на меня. Сами же «раскачивали лодку», а теперь отвечать должен я. До моего отъезда из Петрограда, ни каких признаков революции вообще даже не наблюдалось. И вдруг, на тебе. Хотел бы я посмотреть, что у них получится без меня? Думают я не понимаю, что все последнее время делается ради моего отречения. Что еще, Николай Владимирович?

– Я спросил, в каком виде намечается решение династического вопроса? Ваше Величество! Язык не поворачивается пересказывать слова Родзянко. Я их записал дословно, позвольте зачитать?

– Пожалуйста. Интересно, что новоиспеченный вождь еще наговорил Вам?

Рузский начал читать: «Еще раз повторяю – ненависть к династии дошла до крайних пределов. К Государственной думе примкнул весь Петроградский и Царскосельский гарнизоны, то же повторяется во всех городах, нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием.

Со страшной болью сообщаю Вам об этом, но что же делать? В то время, когда народ в лице своей доблестной армии проливал кровь и нес неисчислимые жертвы – правительство положительно издевалось над нами, вспомните Распутина и всю его клику, освобождение Сухомлинова, вспомните Маклакова, Штюмерера, Протопопова, назначение князя Голицына; расстройство транспорта, денежного обращения, непринятие никаких мер к смягчению условий жизни, постоянное изменение состава законодательной палаты; постоянные аресты, погоня и розыск не существовавшей тогда революции – вот те причины, которые привели к этому печальному концу».

Лицо Николая II постепенно темнело, он понимал, что Родзянко по своему прав и решил бить его по самым больным местам.

«Присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном, – читал дальше Рузский, – подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению, так как сдержат войска, не слушающие своих офицеров и начальников, нет решительно никакой возможности, сердце

... И сделалась тьма ...

обливается кровью при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы».

– Все, хватит, – не выдержал Николай II, – позиция Родзянко мне понятна. Посмотрим, что скажет армия? Тогда будем делать окончательные выводы.

– Ваше Величество, перед нашим разговором мне сообщили, что Временный комитет Госдумы уже направил в Псков А.Н. Гучкова и В.В. Шульгина, которые вскорости будут в Пскове.

– Ну, что ж? Пожалуй, очень кстати, пора что-то решать. Как получите сообщение от М.В. Алексеева – извольте сразу же ко мне на доклад.

* * *

Н.В. Рузский, будучи с давних пор человеком болезненным, выйдя от царя почувствовал себя окончательно разбитым. «За что мне кара твоя, Господи, – думал он, – человеку, всю жизнь положившему за царя и Отечество, выпал такой выбор: либо поддерживать Его Величество, либо склонять его к отречению ради Отечества? Да и будет ли в том толк?»

– Николай Владимирович? – голос кого-то из собравшихся царедворцев вернул его в действительность от тяжелых мыслей. – Что Государь? О чем говорит?

– Рано еще судить, – услышал он, как во сне свой голос, – расходитесь. Рано, рано еще. Император обеспокоен, не мешайте, ему предстоит сделать тяжелый шаг. Не отвлекайте его.

Сказав это, он отправился на телеграф. Положение Н.В. Рузского и М.В. Алексеева, конечно, было чрезвычайно сложным. Они считали себя вершителями судьбы монархии и Отечества, однако это было не так, их роль – приближенных к Николаю II волей обстоятельств – выполнять чьи-то тайные замыслы и быть инструментом исполнения этих замыслов. Судьба Николая II решалась в шумных залах и тихих кабинетах Таврического дворца и была уже давно предreshена. Об этом кроме посвященных знал убиенный Григорий Ефимович Распутин, который накануне расправы над ним предрек дату всего происходящего в эти дни, за что, видимо, и поплатился.

Н.В. Рузский с трудом составил и отправил телеграмму М.В. Родзянко. Николай Владимирович был опытный человек, и текст телеграммы он составил таким образом, что при любом исходе дел его невозможно было обвинить в пособничестве противоположной стороне. Впрочем все, о чем он писал, было искренне: «Все что Вы, Михаил Владимирович, сказали в прошлом разговоре, – писал он, – тем печальней, что предполагавшийся

... И сделалась тьма ...

приезд Ваш как бы предрешал возможность соглашения и быстрого умиротворения Родины. Михаил Владимирович, необходимо найти такой выход, который дал бы немедленное умиротворение. Переживаемый кризис надо ликвидировать, скорей, чтобы вернуть армии возможность смотреть только вперед, в сторону неприятеля. Войска в направлении Петрограда с фронта были отправлены по общей директиве из Ставки, но теперь всем войскам, направлявшимся в Петроград, предписано вернуться на фронт.

Со стороны Его Величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах Родины и той Отечественной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин Государя нашел бы отклик в сердцах тех, кои могут остановить пожар.

В заключение скажу, Михаил Владимирович, я сегодня сделал все, что подсказало мне сердце и что мог для того, чтобы найти выход для обеспечения спокойствия теперь и в будущем».

– Передавайте, – сказал он телеграфисту, – Алексееву, Михаил Васильевич, Государь ждет от Вас сообщения о мнении высшего командного состава относительно возможности его отречения от престола. Прошу информировать меня незамедлительно по поступлении оной информации. Жду так же от Вас проект Манифеста отречения от престола Государя – Императора Николая II.

В ответ М.В. Алексеев сообщил, что такой запрос он уже разослал всем командующим и ждет, когда начнут поступать ответы от командующих фронтов. Все ответы он обещал сразу же переслать. Телеграмма заканчивалась словами: «Теперь я болен и вынужден большую часть времени проводить в постели, однако я готов выполнять все последующие указания Государя».

«Вот и Алексеев не выдержал, – подумал Н.В. Рузский, – значит разработка плана весеннего наступления на фронте окончательно остановится. А жалко, ведь по всем показателям Россия стоит на пороге победы в войне, не хватает еще одного решительного наступления. Всю эту революцию и отречение Николая II как будто кто специально задумал именно сейчас. Ведь, что получается, пока Государь был в Петрограде, все было спокойно. Стоило ему уехать в Могилев 22 февраля, как начались серьезные уличные беспорядки. Но власти не приняли должных мер по наведению порядка, проявляли снисходительность по отношению к демонстрантам, а Протопопов еще 26 февраля сообщал, что ситуация в Петрограде контролируется, но при этом все трясется от страха и настаивают на отречении Николая II. Родзянко здесь, видимо, не причем, кто-то покрупнее стоит за ним и руководит им. Он – орудие в руках лиходеев. К тому же беспорядки творятся только в Питере и Москве, ну еще в нескольких городах,

... И сделалась тьма ...

а так – везде спокойно. Вообще все это странно, за какой-то неполный десяток дней все так изменилось. Да чувствуется во всем этом опытная рука».

* * *

Когда генерал Н.В. Рузский ушел от Николая II, к нему неожиданно-негаданно явился из псковского монастыря монах, известный старец отец Иннокентий, которого все считали ясновидящим и прорицателем. Поэтому некоторые грешники побаивались встречаться с ним, но даже сам Григорий Распутин уважал его и, бывало, ездил к нему на тайные беседы. О чем они говорили, никто не знал, только после таких встреч Григорий Ефимович несколько дней старался не появляться на люди, ходил неразговорчивый и сумрачный, много молился.

Николай II принял отца Иннокентия.

– Было мне видение, – сказал тот, – будто бы летит с горки тройка белых лошадей, запряженных в белую карету, отделанную золотом. Карета подпрыгивает на кочках, ударяется о валуны и постепенно разваливается. Глянул я, а возницы на облучке нет. А над тройкой кружит стая черных воронов, – старец поправил прядь белых волос и глянул на Николая II твердым взглядом, да так глянул, что тот от неожиданности чуть подался назад.

– А что дальше?

– А то, что домчали лошади до пропасти и со всего маха с остатками кареты улетели туда, а вороны покружили над пропастью и расселись по деревьям, довольно клацавая своими клювами.

– Что же ты хочешь сказать, Отче?

– А то, «да имеющий уши, услышит»: лошади те – Россия наша Матушка, а карета та трон твой Государь.

– Кто же тогда будут те черные птицы?

– А птицы те будут темные силы, посланцы сатаны, – вуронами, а значит – вурогами-врагами Отечества нашего. И не на тебя, Государь наш, охотятся они, не тебя сгубить хотят, а Отечество наше. Ты же поставлен Божьим промыслом охранять его, ты помазанник Святой Церкви, а значит, помазанник Божий. Вот почему отречься от Престола ты не можешь, не твоя это воля, Престол дан тебе Господом Богом. Надо будет, Он сам решит, как должно поступить, а пока «каждый должен нести свой крест сам» и вступить с ним, если придется, на свою Голгофу.

– Откуда же ты, Отче, знаешь об отречении?

... И сделалась тьма ...

– Я много чего знаю, да и земля слухами полнится. Знаю, как тебя принуждают к этому богопротивному шагу. – Сказав это, старец затих, как бы давая время Николаю II обдумать слова его.

Молчал и Государь. В какой-то момент он отчетливо понял, что отрекаясь от Священного Престола, он становится клятвопреступником, сообщником черных воронов, окруживших белую карету и толкающих ее в бездну.

– Что же делать, Отче?

– Не советчик я тебе, Государь, и не судья, поступай, как велит тебе твое сердце. Я же пришел к тебе лишь напомнить, что с времен Павла I, то есть более 120 лет в России сама возможность отречения Российского Государя не предусматривается ни Святой церковью, ни государством нашим Православным. По традиции соборного обета 1613 г. царь русский не может сам отречься от престола, потому как он есть помазанник Божий. Только смерть освобождает царя от бремени его. Твое отречение не принесет добра, так как много собралось воронов и слетятся еще, которые будут долго мутить воду. И церковь не будет рада, так как ты яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов нашей веры, блюститель правоты и благочестия в Святой Церкви. А кто после тебя защитит нашу веру? С тем, на кого ты укажешь, неизвестно еще, что будет. Да и ты не обретешь покоя, ибо найдутся люди, которые поймут: хоть ты и отрекся, но церковный статус православного Государя, миропомазанного на царство, вопреки воле твоей за тобой остался. И они не успокоятся, пока не добьют тебя. Готовься и к этому, да облегчит Господь тернистые стези твои.

– Но по Обету русский народ обязан верою и правдой служить Самодержцу, а мне сообщают, что народ требует моего отречения.

– Это все слова петроградских смутьянов, а настоящий русский человек – это тот, кто сидит на земле, да гниет в окопах.

– И все же, как бы там ни было, у меня давно более чем предчувствие, у меня глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания. Сколько раз примерял я к себе слова Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то постигло меня, и чего я боялся, то пришло ко мне». Если Богу нужна искупительная жертва за грехи тех, кто польстился на Царя, я согласен быть ею ради спасения России. Да свершиться воля Божия!

– Что ж, – скорбно проговорил отец Иннокентий, – ну а случись так, как ты молвишь, то, не преведи Господи, сбудется предсказание преподобного Серафима Саровского: «Будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и его Самодержавия, Ангелы не будут успевать брать души, и все восставшие погибнут, а Бог царя возвеличит...» ...

... И сделалась тьма ...

– То-то и мне нет покоя. Не только Великий старец, многие опечалены сим.

– Русские люди будут каяться в смертных грехах: если допустят нечестие в России и не защитят Тебя – помазанника Божия. Во истину сказано, – воскликнул Иннокентий. – «Будет скорпион бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попушение Божие, гнев Господень за отречение России от своего Богопомазанника!».

После этих слов отец Иннокентий испросил у Государя дозволения вернуться ему в обитель и обещал молиться за него, его семью и наследника.

После его ухода Николай II тяжело опустился в кресло. Взгляд упал на полную горечи и душевной боли за него телеграмму Александры Федоровны: «А ты один, не имея за собой армии, пойманный как мышь в западню, что ты можешь сделать?»

* * *

Зайдя к себе, Николай Владимирович вызвал дежурного.

– Я прилягу, – сказал Рузский, дежурному офицеру, – но если будет телеграмма от Алексеева, сразу же разбудите меня.

Николай Владимирович не раздеваясь, а только ослабив портупую прилег на глубокий кожаный диван в своем кабинете и сразу же уснул, как провалился в какой-то темный проем, и когда его добудился дежурный, он в первый момент не смог осознать действительность: сколько времени он проспал, что происходит и где он находится.

– Сколько времени я спал? – Приходя в себя, спросил он у дежурного офицера.

– Час, – ответил тот, – пришел телеграф от генерала М.В. Алексеева. Я подготовил его Вам для чтения.

Н.В. Рузский взял телефонную трубку и позвонил дворцовому коменданту Воейкову с просьбой доложить Государю, что через полчаса он готов доложить об ответе Алексеева.

Ожидание в коридорах царского поезда, где все оощутимее становились приготовления ко сну его обитателей, оказалось для генерала долгим. Оно стало раздражать Н.В. Рузского. Полчаса, о которых он говорил коменданту, давно минули, но царь, будучи человеком пунктуальным, до сих пор не приглашал его. К раздражительности Рузского это обстоятельство добавило беспокойство, и он решил пойти в купе Воейкова узнать, чем занят Государь и предупрежден ли о его приходе с докладом. Рузский застал Воейкова, развешивающим на стенках какие-то фотографии. Тот встретил его весело:

... И сделалась тьма ...

– А, Ваше превосходительство, пожалуйста, садитесь. Хотите чаю или сигарку, устраивайтесь удобнее. Вот я не могу справиться с этой рамкой, все криво висит.

Негодование охватило Рузского и он, сильно повысив голос, высказал Воейкову свое удивление, что тот занят каким-то вздором в такие серьезные минуты и видимо забыл доложить о нем Государю, когда он уже час ждет приема.

Воейков пробовал обидеться и возразить, что вовсе не его обязанность докладывать Его Величеству. Тогда Рузский окончательно вышел из себя, и чрезвычайно резко высказал Воейкову, что его прямая обязанность заботиться о Государе и всю жизнь положить за него, своевременно помогать ему, а не бездействовать, куря сигары и перевешивая картинки. Воейков побледнел, и они вместе вышли в коридор, а через несколько мгновений Рузский был у царя.

– Государь, – сказал он, – мне трудно говорить, доклад выходит за пределы моей компетенции. Я опасюсь, что Вы, может быть, не имеете ко мне достаточно доверия, так как привыкли слушать мнение генерала Алексеева, с коим я в важных вопросах часто не схожусь и лично в довольно натянутых отношениях. Прошу Ваше Величество иметь в виду, что, так как теперь подлежат решению вопросы не военные, а государственного управления, то я докладываю лишь по желанию Алексеева.

Николай II прервал генерала и заявил ему, что он может высказываться со всей откровенностью.

– Однако, генерал, – сказал Николай II, – давайте телеграммы, я их прочту сам. Я знаю, Николай Владимирович, Вашу деликатность, опять будете смягчать действительность.

«Всепоподданнейше представляю вашему Императорскому Величеству полученные мною телеграммы», – начал читать Николай II сообщение от Алексеева:

– Великий князь Николай Николаевич, – заговорил царь, не глядя на Рузского, – сообщает мне о небывало роковой обстановке и необходимости для победоносного конца войны, для блага и будущности России и спасения династии принять сверхмеры. «Как верноподданный», «коленипреклоненно» – Ишь ты! Как Великий князь молит спасти Россию и наследника, – зная «чувство святой любви Вашей к России и к нему».

– Надо же, и болезнь Алексея вспомнил. Как не стыдно давить на отцовские чувства к больному сыну? Впрочем для них все средства хороши. – Николай II вновь погрузился в чтение телеграмм, спустя какое-то время раздраженно произнес, – да, что они все пишут, как по трафарету. А.А. Брусилов, так этот вообще смеет меня торопить. Вот послушайте: «чтобы

... И сделалась тьма ...

спасти положение и дать возможность бороться с врагами, необходимо спешить». Как будто я этого не понимаю. А Эверт? Хорош командующий – мне жалуется, что на свою армию: «в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя, но трагедия в том, что до недавних пор это было можно». Где же ты был раньше?

Как же они умудрились за столь короткий срок упустить великолепную армию? А я теперь за них должен расплачиваться престолом, становиться клятвопреступником.

Вот, пожалуй, генерал Сахаров, разумно рассудил: «Горячая любовь моя к Вашему Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, который никогда не касался царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите Родины от внешнего врага и если бы не оказались в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии».

Хорошо сказано: «не русский народ, а разбойная кучка людей, которая воспользовалась удобной минутой», и о «преступных целях» верно. А вот конец телеграммы в том же верноподданническом духе, но опять же о «безвыходности положения относительно гнуснейших притязаний», как будто кто стоял за спиной наших командующих и диктовал им текст телеграмм.

Ситуация понятна: все предали, вояж Н.И. Иванова не дал результата. М.В. Родзянко даже не желает здесь появляться. Мне сообщают из Царского Села, что даже мой личный конвой нацепил красные банты и распевает «Марсельезу». Вы представляете, Николай Владимирович? Какая гримаса ситуации: личный конвой царя распевает масонский гимн?! Да, кстати, а что адмирал А.В. Колчак? – С какой-то вроде надеждой спросил он, – хотя позиция Колчака могла что-то изменить.

– Он, Ваше Величество, даже не ответил на запрос Алексеева.

– Молодец Александр Васильевич, не зря его причисляют к цвету офицеров Российского флота. Даже не стал мараться в этой куче дерьма. Ну, что скажете Вы, генерал, – обратился Николай II к Н.В. Рузскому.

От неожиданности Николай Владимирович даже растерялся. Фактически теперь ему, как и остальным, предстояло дать ответ на запрос Алексеева, и царь мучительно твердо смотрел на него в ожидании этого ответа. По спине

... И сделалась тьма ...

генерала пробежала волна колючих и холодных мурашек. Однако он моментально собрался и доложил.

– Ваше Величество, Алексеев прислал проект Манифеста об отречении в пользу царевича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Рузский достал из папки Манифест и передал царю. Николай II внешне хранил спокойствие, однако, когда Рузский достал проект Манифеста, по его лицу, пробежала тень, глаза потухли и весь вид его свидетельствовал о глубокой печали. Царь вызвал дежурного и попросил пригласить генерала В.Б. Фредерикса.

– Граф, – обратился он к Фредериксу, – вот генерал Рузский передал мне проект моего отречения от престола, присланный из ставки генералом Алексеевым. Проект был состряпан в ведомстве господина Родзянко, но он сам побоялся вручить его. Что скажете по этому поводу? Вы, как-никак министр императорского двора, а мне в этом поезде больше советоваться не с кем.

При этих словах Николай II мельком взглянул на Н.В. Рузского, который понял его хитрость и фактический уход от ответа на его вопрос.

Старый В.Б. Фредерикс, по всей видимости, готов был услышать, что угодно, только не это. Все тело его онемело, и он готов был упасть в обморок. Престарелый Владимир Борисович больше всего не любил вмешиваться в дела государственные и политические. Он предпочитал тихо и добросовестно исполнять свои обязанности при царе. Николай II с жалостью смотрел на этого человека, и ведь в сущности, ответ его не играл никакой роли, но Николай II подсознательно до сих пор искал хоть слово поддержки от кого бы оно не исходило. Граф долго перебирал трясущимися губами, наверное желая, что-то сказать, но не находил слов. В конечном итоге он разрыдался. Царь заботливо усадил его в кресло и дал знак Рузскому подать воды. Немного успокоившись, он только и смог проговорить плачущим голосом: «Пощадите, Государь». Николаю II было от души жаль этого порядочного, искреннего в делах службы человека.

За заслуги В.Б. Фредерикса перед императорской семьей в день празднования 300-летия Дома Романовых Николай II возвел его в графское достоинство, хотя Фредерикс сам об этом не хлопотал. В.Б. Фредерикс – потомок шведского офицера, был безгранично счастлив, т.к. его титул «барона» по отцу мешал ему в обращении с высшим светом, напоминая: ты инородец, швед, а не русский, помни свое место. Фредерикс долго радовался новому титулу и постоянно благодарил Николая II.

– Ну, что же, господа? – тихим, глухим голосом произнес Николай II. – Если все кругом настаивают на этом, то быть по сему. – Он подошел к столу,

... И сделалась тьма ...

взглянул на икону, перекрестился: «Прости Господи грехи мои тяжкие. Боже, храни Россию! Пусть грех мой падет тяжким бременем на плечи «черных воронов»».

Сказав так, Николай II взял ручку, макнул в чернильницу и подписал Манифест. Все произошло так быстро, что Рузский и Фредерикс только и успели от неожиданности тихо охнуть. Николай II сел в кресло и, не обращаясь ни к кому, сказал: «Когда приедут Гучков и Шульгин, то сразу же их ко мне, а сейчас, господа, оставьте меня».

Рузский и Фредерикс вышли в приемную часть вагона, там сидело ближайшее окружение Николая II. При виде Рузского и Фредерикса все встали и в ожидании новостей смотрели на них, пытаясь понять по их лицам, что произошло в кабинете Николая II. Н.В. Рузский молча прошел приемную и отправился к себе, где намеревался выпить лекарства и немного отдохнуть.

– Savez vous, Jempeureur а acdique,*– отрешенным, каким-то безжизненным голосом произнес Фредерикс.

– Как отрекся? – как бы выдохнул флигель-адъютант царя Мордвинов.

– Почему отрекся, когда?

– Да вот, только что подписал Манифест об отречении.

– Да ну, господа, здесь что-то не так, произошла наверняка какая-то путаница.

В.Б. Фредерикс стоял молча, он слушал и не слышал этих напуганных до смерти людей. Когда публика стала приходить в себя, все двинулись на Фредерикса: «Граф, вернитесь, умоляйте Его Величество, хотя бы до приезда Гучкова и Шульгина не отправлять телеграмму в Петрограда и Могилев. Может удастся что-то сделать». Фредерикс, сам еще мало осознавший, что произошло, безвольно повернулся и вернулся в кабинет императора.

– Что с Вами, граф? На Вас лица нет.

– Государь, – еле-еле произнес он, – придержите Манифест, не отсылайте его в Петроград и Ставку, прошу Вас слезно от себя и всех Ваших верных слуг, собравшихся в приемной. Подумайте о России. Вы – единственный, кто реально может ее защитить. Поэтому питерский сброд и решил сгубить Вас.

– О чем Вы говорите, мой старый добрый Фредерикс? У меня нет ни одной дивизии, чтобы защитить себя.

– Ваше Величество, подумайте, на что Вы обрекаете милое создание – царевича Алексея.

При этих словах лицо Николая II вновь покрылось серым налетом, руки его опустились на стол, взгляд снова померк.

* «Вы знаете, император отрекся» (фр.)

... И сделалась тьма ...

Когда граф В.Б. Фредерикс помимо своей воли вновь отправился в кабинет, казачий генерал И.Г. Чернокафтанов восхищенно и цинично произнес: «Надо же, отрекся, как командование эскадрой сдал». На что любимец царя адмирал Константин Дмитриевич Нилов пророчески заметил: «Что ж., господа, скоро все будем висеть на фонарях! У нас такая будет революция, какой еще нигде не было». Испуганные глаза всех устремились на Нилова. Каждый явственно почувствовал на своей шее скользкую, густо натертую мылом веревку.

– Нилов, – почти провизжал Воейков, – хватит болтать всякую ерунду на ночь.

– Не смей, – раздался нетрезвый голос седого полковника из охраны царя, – не смей таким тоном говорить о Государе-Императоре. – Полковник погрозил всем пальцем, потряс головой и, не надевая шинель, вышел на перрон. Он прошел несколько шагов, достал револьвер, приложил его дуло к виску и нажал на спусковой крючок, раздался выстрел.

В это время граф В.Б. Фредерикс вышел из кабинета императора, казалось он так и не отошел от шока. Все молчали, но напряженно смотрели на него.

– Государь, – сказал он, – обещал не отправлять Манифест до переговоров с Гучковым и Шульгиным. – Сказал, и не глядя на окружающих, отправился в свое купе.

* * *

Поезд с А.И. Гучковым и В.В. Шульгиным прибыл в Псков в десятом часу вечера, и их сразу направили в вагон императора, где в нервном ожидании собралась толпа приближенных к Николаю II лиц. Поздоровались. Николай II без лишних церемоний попросил А.И. Гучкова доложить о положении дел в Петрограде, после чего, не обращая ни к кому, спросил:

– Ну и что же прикажете мне теперь делать?

– Вам надо отречься от престола, – с привычным надменным видом и тоном, не терпящим возражений и переполненным ненавистью к царю, заявил Гучков.

– Отречься? – как будто Николай II не ожидал такого поворота дел, вопросительно воскликнул он. Наступила небывалая тишина. – А кто же примет мое отречение? Почему не приехал председатель Государственной думы?

– Он Вам должен был доложить, – как-то не уверенно произнес В.В. Шульгин, с видом растерявшегося кота, которого застали в момент, когда он хотел стащить со стола кусок рыбы.

... И сделалась тьма ...

«Государь решил «поиграть» с ними, – подумал про себя Рузский. – Потрепать немного нервы и показать им их ничтожество. Хотя в сущности, это не могло ничего изменить».

– Ну, а где представители православной церкви? – Продолжал допрос Николай II, на что и Гучков, и Шульгин промолчали. – Ведь я ответственен и перед церковью. Ладно, пусть будет так. А кого представляете вы? Кому я могу вручить Манифест с отречением?

От этих слов императора кровь ударила в лицо Гучкова. Он понял, что Николай II попросту хочет унижить их в глазах своей челяди и показать, что он здесь хозяин положения.

– Мы представляем русскую революцию, – дерзко сказал он, – и имеем поручение Временного комитета Госдумы.

– А кто же избрал и надолго ли этот Временный комитет?

– Группа членов Госдумы самоорганизовалась во Временный комитет до Учредительного собрания.

– Понятно: «группа самоорганизовалась», – язвительно сказал Николай II. – Ну что ж, если кроме никого нет, то пусть будет Временная группа, именуемая себя комитетом. – Господа, – сказал он голосом полным достоинства, обращаясь к присутствующим, – в решительные дни в жизни России почли мы долгом совести выполнить требования народа нашего и облегчить ему тесное единение и сплочение всех сил для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть... Я уже подписал акт об отречении в пользу моего сына Алексея. Однако, учитывая крайне сложные условия времени и его болезнь, – при этих словах Николай II посмотрел на Гучкова и Шульгина, те стояли, как вкопанные, боясь пошевелиться, – теперь я пришел к заключению, что сыну моему, не отличающемуся крепким здоровьем, будет сложно исполнять возложенную на него миссию и лучше оставаться при мне, а престол уступить великому князю Михаилу Александровичу.

Ни Гучков, ни Шульгин не высказали ни каких возражений, и Николай II с В.Б. Фредериксом вышли в помещение, где составили новый текст отречения. Когда они вернулись назад, все собравшиеся стоя ожидали последнего акта развернувшейся на их глазах трагедии. Царь молча подписал акт.

– Господин министр, – обратился А.И. Гучков к В.Б. Фредериксу, – контрассигнируйте подпись императора на Манифесте и заверьте ее, пожалуйста.

... И сделалась тьма ...

* * *

Александр Иванович Гучков, родился в московской купеческой семье в 1862 г. С 1902 г. директор Московского учетного банка, в дальнейшем занимался предпринимательской деятельностью (к 1917 г. имел состояние порядка 600–700 тысяч рублей). Получил образование на историко-филологическом факультете Московского университета. Затем слушал лекции в Берлинском, Венском и Гейдельбергском университетах. Член Московской городской управы, затем гласный городской думы.

В 1903 г. женился на Марии Ильиничне Зилоти, принадлежавшей к одной из самых известных семей московской интеллигенции, сестре знаменитого пианиста и дирижера А.И.Зилоти. Однако при его взрывном характере жажда острых ощущений толкала его к рискованным предприятиям, к тому же, как выяснилось, он обладал отчаянной смелостью. Много путешествовал: в 1895 г. побывал на территории Османской империи, охваченной армянской резней, служил младшим офицером в казачьей сотне в охране КВЖД (1897–1899 гг.). Вступил добровольцем в вооруженные силы буров в 1900 г. и попал в плен к англичанам. В Китае наблюдал за восстанием ихэтуаней, в 1903 г. был в Македонии во время восстания против турок; во время русско-японской войны – главноуполномоченный Красного Креста в действующей армии, весной 1905 г. оказался в плену у японцев, так как не захотел уйти вместе с отступающими от Мукдена русскими войсками и оставить находящихся там в госпитале раненых.

Действительный статский советник, активный масон, возглавлял военную масонскую ложу. Один из создателей и с 1906 г. председатель ЦК партии «Союз 17 октября». В 1907 г. избран в Государственный совет; затем – в III Думу, в связи с чем сложил полномочия члена верхней палаты. В Думе возглавлял фракцию «октябристов», а также Комиссию по государственной обороне, которую превратил в одну из наиболее влиятельных парламентских комиссий. В 1908 г. стала широко известна его речь против вмешательства «великих князей» в государственное управление, в той же речи он призвал «великих князей» «отказаться от некоторых земных благ и радостей тщеславия», чем вызвал недовольство царя. Оставил председательское кресло в знак протеста против перерыва в заседаниях Думы, осуществленного Николаем II по настоянию П.А. Столыпина для проведения закона о земстве в западных губерниях без согласования с Думой. Поражение курса реформ П.А.Столыпина, А.И. Гучков воспринял как крах возможности реформирования монархии. Выборы в IV Думу по Москве проиграл.

... И сделалась тьма ...

С началом мировой войны он работал в учреждениях Красного креста, организовывал военно-промышленные комитеты, с июля 1915 г. стал председателем Центрального военно-промышленного комитета. Будучи одним из лидеров Прогрессивного блока, рассматривался наряду с М.В. Родзянко и князем Г.Е. Львовым в качестве возможного кандидата оппозиции на пост премьера. В том же 1915 г. избран в Государственный совет, в качестве представителя которого вошел в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

А.И. Гучков был сторонником радикального пути разрешения внутренних проблемы страны, он стал одним из организаторов заговора, целью которого была организация дворцового переворота, выступал «против увлечений безудержным радикализмом и против социалистических экспериментов», полагал, что монархия в единстве с народом через Думу и конституцию будет способствовать общественному прогрессу. Резкие изменения политического строя он считал чреватými пересечением исторической эволюции и крушением Российской государственности.

28 февраля 1917 г. Гучкова избрали членом Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, затем он стал ее председателем.

Со 2 марта Александр Иванович Гучков становится военным и морским министром в первом составе Временного правительства, хотя, по мнению Набокова, он с самого начала в глубине души считал дело проигранным. Ни у кого не звучала с такой силой, как у него, нота глубочайшего разочарования и скептицизма. При этом здоровье его было таковым, что он уже не мог тратить много сил на политическую деятельность, чтобы хоть как повернуть дело к лучшему. Дело доходило до того, что несколько раз правительство заседало у его постели. Он отказался от положенного министру оклада в 15000 рублей и 12000 тысяч представительских. Видя неспособность правительства преодолеть кризис, стал одним из организаторов «корниловского мятежа».

После октябрьского переворота 1917 г. Гучков поддерживал белое движение, а в 1919 г. по просьбе А.И. Деникина отправился во Францию искать финансовую помощь у союзников, одним из первых пожертвовал белому движению 10 000 рублей.

Скончался в Париже в 1936 г. в возрасте 74 лет. После его смерти в газете «Последние новости» (Париж) были опубликованы записи его устных рассказов-воспоминаний. В эмиграции не примкнул ни к одной политической организации. Оказывал помощь русским беженцам. Всю жизнь Александр Иванович Гучков мечтал вернуться в Россию и завещал, чтобы его прах, «когда падут большевики», перевезли «для вечного упокоения в Москву».

... И сделалась тьма ...

* * *

В.Б. Фредерикс посмотрел на Николая II, тот согласно кивнул, после чего поставил свою подпись рядом с царской. Протер подпись отрекшегося царя специальной жидкостью, дабы она со временем не поблекла.

Гучков забрал один экземпляр акта себе в папку, попрощался с Николаем II, пообещал ему полную свободу и вышел сопровождаемый Шульгиным из кабинета. Вскоре их поезд отправился назад в Петрограда. Отъезд был настолько поспешным, что казался бегством. Когда они зашли в вагон и сели в кресла, Гучков молча и долго рассматривал Манифест, ему не верилось, что то, к чему все до недавних пор стремились, свершилось, и всю дорогу боялся как бы их литературный поезд не завернули назад. Насмотревшись на Манифест, он так же молча передал его В.В. Шульгину.

* * *

После длительного молчания В.В. Шульгин пристально посмотрел на А.И. Гучкова и в привычной ему корректной манере медленно, сдержанно и искренне, но ядовито-иронично спросил:

– Александр Иванович, за что Вы так не любите царя, да и всю его семью, в особенности Александру Федоровну?

А.И. Гучков явно не ожидал такого вопроса, поэтому, обдумывая свой ответ, твердо, но вполне доброжелательно, глядя в глаза Шульгину, произнес:

– Так ведь и Вы, Василий Витальевич, не жалуете его, хотя Вас и признают лидером монархистов, да еще называют реакционером? – При этих словах на губах Александра Ивановича промелькнула еле заметная улыбка.

– Я, знаете ли, своих монархических взглядов не скрываю и какой-то там реакционности в них не обнаруживаю, а если что и есть в них консервативное, так это разумный консерватизм, который часто приходит в противоречие со слишком резкими и поспешными намерениями левых. Что же касается разумных предложений – всегда готов их поддерживать. Вот «Манифест 17 октября», считают был утвержден очень кстати, я участвовал в 3-х Думах, член Прогрессивного блока, к сожалению, в работе его участников было много демагогии и соперничества. Конечно, у нас хватает таких лидеров, которые не за Отечество радеют, а за собственное первенство, переполнены амбициозностью, потому, как каждый считает себя чуть ли не мессией, а на деле оказывается мыльным пузырем. Как и многие, с нетерпением ожидал реформ О.Ю. Витте и полностью поддерживал политику П.А. Столыпина. Как было не восхищаться грандиозными проектами

... И сделалась тьма ...

электрификации страны, БАМа? А эти болтуны-революционеры всех мастей только и могут злословить в таких случаях, потому как не понимают, что такое хозяйство? Привыкли в своих газетенках хихикать над всем положительным, что происходит, или на митингах горло драть, обещая народу светлое будущее. Но, обратите внимание, ни одна революция не принесла еще ни одному народу такого будущего. К примеру, чем закончилась революция в Англии? диктатурой Кромвеля, а французская – Наполеона. К тому же ни англичане, ни французы вначале и не думали казнить своих монархов, а к чему пришли? И Карла казнили, и Людовика казнили. А в конечном итоге – в Англии реставрирована монархия, а во Франции Наполеона провозгласили императором.

Вот и подумайте, что будет, если стихия захлестнет наши демократические процессы. Поэтому я и принял участие в отречении Николая II. Оставаясь монархистом, я понимаю, что без его отречения, стихия сама не стихнет. Тогда конец придет и монархии. Я прилюдно заявил, что мне хотелось бы сейчас пулеметов побольше. Пусть каждый судит меня, как хочет, но иного средства против разгула стихии и хаоса, который она принесла, я не знаю. Кстати сказать, когда кликнули на помощь Лавра Корнилова никто не возражал: и вы – «октябристы» и «кадеты» тоже, и для всех он был героем и общим любимцем. Это уже потом, когда его предал Керенский, Корнилова представили как мятежника, против него восстали многие и задушили собственное дитя.

– Извините, Василий Витальевич, что перебиваю, с Корниловым, конечно, беда вышла, хорошо еще, что М.В. Алексеев успел перехватить и спрятать его в Быховскую тюрьму, под надсмотр верного Корнилову гарнизона, а то, неровен час, такого замечательного человека могли бы и расстрелять. Вы правы, революция, – тяжелое бедствие для государства. Она срывает жизнь с ее привычных рельсов, массы выходят на улицу. Теперь мы должны снова загнать толпу на место, но это нелегкая задача. Вона, они даже Иванова с его войсками не пропустили в Петроград, Корнилова и того в момент смяли.

– Выходит я прав, без пулеметов здесь не обойдешься. Да и от таких, как Керенский – трусов и чистоплюев, надо избавляться.

– Да..., – задумчиво протянул А.И. Гучков, – не так нам все это представлялось. В свое время, когда Столыпин потерпел поражение, а потом был убит, я понял, что реформирование монархии невозможно. Вот почему помнится еще осенью 1916 г. мне пришла мысль о тихом государственном перевороте. Поделится я этой мыслью с Н.В. Некрасовым. Оказывается и он думал об этом. После переговоров Некрасова с Терещенко тот тоже подключился к нашей работе. Со временем выяснилось, что не только наша

... И сделалась тьма ...

группа работает по подготовке Николая II к отречению в пользу сына. Милюков озабочен тем же. Выходит, что не кто-то навязал эту идею, а она сама витала в недрах просвещенного общества.

– Не мудрено, после всех ошибок и просчетов, которые были допущены царем. Один Гришка Распутин чего стоит. Николаю II тяжелое время досталось, в иных условиях такому, каким он есть, глядишь, мы бы не нарадовались. А здесь: то бомбисты, то войны, то революции. Ему бы править в тихой, сытой стране с культурным и просвещенным населением, без войн и революций.

– Ну, «чтобы было, если бы», я считаю эти гадания пустым занятием. Посудите сами, Василий Витальевич: вот Вы вспомнили Григория Распутина – это же вершина способности Николая II окружать себя сомнительными личностями. Вы же сами знаете, сколько вокруг него всегда вертелось самовлюбленных бездарей и карьеристов. Вспомните того же В.А. Сухомлинова, а кто ходил у него в советчиках? Вот поэтому и сам Николай II был непоследовательным. Вы вспомнили созыв Государственной думы, я же первым в ее поддержку кинулся создавать «Союз 17 октября». Но когда Дума перестала его удовлетворять, он попросту пренебрег ею; вначале горячо поддерживал П.А. Столыпина и даже говорил о «любви и уважении его», благодарил Ивана Логгиновича Горемыкина за то, что тот указал ему на Петра Аркадиевича, и ради его закона о земствах в западных губерниях распустил Думу на три дня за то, что она не хотела пропускать этот закон. То есть крутил Думой, как хотел. Вот они корни реакции где кроются, оказывается от самого Николашки они тянутся.

А судьба того же П.А. Столыпина? То нежная любовь и полная поддержка, то полное непризнание и враждебность. Довел Петра Аркадьевича – подавал в отставку два раза. Благо хватило разума не принимать ее. Наверняка, кто из умных людей отсоветовал. Каков же результат опалы? На его глазах убит в Киеве. Да вот и сейчас мы слышали от самого Николая II: то он подписывает отречение в пользу сына, то тут же переписывает его в пользу великого князя Михаила, даже не согласовав с ним этот вопрос. Вы спрашиваете, почему я не люблю Николая II? Было бы за что? Я бы так сказал: на трагичной судьбе Петра Аркадиевича и его реформ, видно, что Николай II не жаловал людей, которые не желали следовать его курсу и проявляли в делах самостоятельность. В сущности он не понимает, а потому и не желает прогресса, не желает цивилизованности русскому обществу, развитию его культуры, поэтому и не хочет перестраивать ни жизнь людей, ни отношения в обществе. Всех же, кто пытается противостоять, он считает революционером. Вот видите, Василий

... И сделалась тьма ...

Витальевич, попадись Вы – монархист, ему под руку, он бы и Вас записал в революционеры.

* * *

Василий Витальевич Шульгин, родился в 1878 г. в Киеве в семье профессора истории Киевского университета, основателя правой газеты «Киевлянин». Политический деятель и талантливый публицист, помещик (в Волынской губернии имел 300 десятин земли). Окончил гимназию и юридический факультет Киевского университета. В 1900 г. был избран земским гласным, почетным мировым судьей, начал журналистскую деятельность. В 1907 г. был избран от Волынской губернии депутатом II Государственной думы.

С 1911 г. был редактором «Киевлянина», а в 1913 г. возглавил ее. При публикации его произведений возникали цензурные вопросы, хотя, по своей сути, эти произведения ничем не противодействовали существующему режиму. Будучи патриотически настроенным человеком, в 1914 г., отправился добровольцем на фронт, но был ранен, после чего возглавлял земский перевязочно-питательный отряд.

Прослыл реакционером, хотя в 1908 г. выступил против отмены смертной казни. Выступал против еврейских погромов, считал, что они развращают полицию и протестовал в связи с делом М. Бейлиса, за что был приговорен к тюремному трехмесячному заключению.

В Думе был одним из руководителей Прогрессивного блока, требовал создания «правительства доверия», а в период Февральской революции избран членом Временного комитета Думы и принимал участие в формировании Временного правительства, хотя сам от портфеля министра отказался. Зарекомендовал себя одним из лидеров правых – монархической группы националистов-прогрессистов.

В Думе он сблизился с П.Н. Милюковым, М.В. Родзянко и другими «левыми», призывал «бороться со старой властью до тех пор, пока она не уйдет». 27 апреля 1917 г. на торжественном заседании депутатов Государственной думы всех четырех созывов Шульгин заявил: «Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это было бы неправдой. Но, даже не желая этого, мы революцию творили. Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность».

После отречения Николая II принимал участие 3 марта в переговорах с Великим князем Михаилом Александровичем, участвовал в подготовке Акта его отказа от престола.

... И сделалась тьма ...

В начале октября Шульгин переехал в Киев, где возглавил «Русский национальный союз». Публично отказался участвовать в работе Предпарламента. Монархический союз Южного берега Крыма выдвинул его кандидатуру на выборах в Учредительное Собрание.

17 октября в Киеве под его председательством состоялся съезд русских избирателей губернии, в принятом наказе говорилось, что одной из главнейших задач Учредительного Собрания должно быть создание твердой государственной власти и прекращение опытов проведения в жизнь социальной программы. Поэтому после Октябрьского переворота большевиков Шульгин в Киеве создал тайную организацию под названием «Азбука», участники которой исповедовали борьбу с большевизмом и верность монархии. В ноябре-декабре Шульгин побывал в Новочеркасске, стал одним из организаторов и идеологов Белого движения, воспевавшим монархические и националистические принципы и чистоту «белой идеи» и Добровольческой армии. Он писал генералу М.В. Алексею: «Добровольческая армия должна покончить со всякими колебаниями и сконцентрировать все силы на одной задаче – вырвать русский императорский дом из физического обладания немцев и поставить его в такое положение, чтобы от имени вступившего на престол государя объявить священную войну против немцев, завладевших Родиной».

В 1920 году из Крыма эмигрировал в Югославию, где с 1931 г. отошел от политики и написал книги «Годы», «Дни», «1920 г.», «Три столицы».

В 1944 Василий Витальевич был арестован в Югославии и препровожден в Москву, осужден. Освобожден в 1956 г. После чего ему даже позволили заниматься литературной работой. Правящие в то время круги рассчитывали использовать его в пропагандистских целях. Жил во Владимире. В 1961 г. в книге «Письма русским эмигрантам» Шульгин написал: «То, что делают коммунисты в настоящее время, то есть во второй половине XX века, не только бесполезно, но и совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, оно спасительно для всего человечества, они отстаивают мир во всем мире». Принял участие в фильме «Перед судом истории» и был гостем XXII съезда КПСС. Однако у него все равно возникали сложности при публикации произведений, которые по своей сути ничем не противодействовали существующему режиму.

Умер в 98 лет во Владимире.

... И сделалась тьма ...

* * *

Когда все разошлись, Николай II оделся и вышел на перрон. – «Хоть десять-пятнадцать минут подышать свежим воздухом», – решил он.

В этот момент к нему почти подбежал дежурный офицер.

– Ваше Величество, – разрешите сопровождать Вас?

– Наше Величество кончилось, – тяжело вздохнул Николай II, – а за меня не беспокойтесь, ничего со мной не случится, и никуда я не денусь. Какая обстановка вокруг?

– Все спокойно. Генерал Смычков уехал вместе с Гучковым и Шульгиным.

– Как уехал? – удивился Николай II.

– Очень просто, сразу после подписания Вами акта об отречении он почти бегом отправился в свой вагон, его вещи, наверное, были уже собраны, потому как он быстро перенес чемоданы в вагон думского поезда. Прикажете вернуть?

Не надо, теперь он свободный человек и как крыса первым покинул тонущий корабль. Первым, но не последним, скоро не останется никого. – «Вот и свита моя разбегается, – промелькнула грустная мысль в голове Николая II, – скоро совсем останусь один. Что же делать? Кругом измена, трусость и обман».

В вагоне его ожидал старый верный Фредерикс.

– Граф, Вы? – удивился и обрадовался Николай II.

В.Б. Фредерикс встал по стойке «смирно».

– Бог с Вами, Владимир Борисович, наша служба окончена.

– Что же теперь будет, Ваше Величество?

– Что будет со мной, я догадываюсь. Они так просто меня не оставят. Вы посмотрите, граф, один Гучков чего стоит, а таких «воронов» стая не малая. И вот посему, Владимир Борисович, спасибо за службу, я Вас не забуду никогда, но нам придется расстаться. Со мной Вам всегда будет грозить опасность. Доберемся до Царского Села, Бог даст, и уезжайте себе с миром.

– Куда же я без Вас, Ваше Величество, – со слезами в голосе еле проговорил Фредерикс.

– Да поможет Вам Господь Бог, Владимир Борисович, но в случае чего я не смогу оградить Вас от всяких безобразий.

В молодости Владимир Борисович много лет и добросовестно служил в кавалерии. Еще в 1856 г. он вступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии конный полк, но талантом командира не блистал, а потому в 1891 г. оставил армию и был принят на службу при дворе. В 1896 г. произведен в чин генерал-адъютанта, а в 1900 г. – генерала от кавалерии.

... И сделалась тьма ...

5 марта 1917 г. по требованию Временного правительства был удален от императора, а 9 марта арестован. Подвергся допросам, хотя все знали, что в делах государственных он не участвовал. Был освобожден и жил в Петрограде.

Граф проживет в России до 1924 г., когда придет и его черед покинуть Родину и в возрасте 89 лет в 1927 г. он тихо скончается на чужбине.

* * *

Утром 3 марта зазвонили все колокола псковской обители, которые позвали к себе массу православных. К ним обратился отец Иннокентий, который объявил, что неверные люди, враги Отечества и Православной веры принудили Государя–Императора отречься от Святого престола.

– Сейчас, – потрясая своим посохом в воздухе, грозно говорил он, – кучка людей, захватившая власть в свои руки, свергла Государя с престола и лишила его свободы. Одумайтесь, православные. Царя нашего распяли. Что мы будем делать без Царя? Помолитесь же, братья, за него. Русский народ не может жить без царя. Проклятье тем, кто вздумал все эти свободы, нужны только всякой нечестии на погибель нашего Православного Отечества.

Все последующие дни по России, по мере распространения вести об отречении Николая II, прокатилась волна тревожного колокольного звона. Священники с негодованием сообщали людям, что кучка предателей Отечества принудила Государя отречься, и проклинали темные силы за то, что они подняли руку и надругались над самым Святым, что было у русского человека, растоптали в грязи православное правление и устраивают свои оргии на месте престола.

* * *

3 марта великий князь Михаил Александрович отказался от царствования. Побоялся он не без подсказки взвалить ношу сию на свои плечи и предусмотрительно обратился к народу: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

... И сделалась тьма ...

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской империи подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы, возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

* * *

После отречения Николая II начались его переговоры с Временным правительством о возможности его отъезда с семьей за границу. Однако, 7 марта, не смотря на заверение А.И. Гучкова, сделанные им Николаю II и неоднократные заявления Временного правительства, что ему будет предоставлена полная свобода, оно вынесло очередное предательское секретное постановление о лишении Николая II и Александры Федоровны свободы. В этот день Государь написал прощальное обращение к русской армии, но Временное правительство запретило его публикацию и вообще какое-либо распространение, боясь его нежелательных последствий.

На 8 марта был намечен отъезд Николая II в Царское Село. Перед этим он попрощался с чинами штаба, которое проходило невыносимо тяжело. Некоторые боевые офицеры, прошедшие через горнило войн, не могли скрыть слез на глазах и рыдания. Николай II был сдержан и малословен, благодарил всех за службу и призывал всех дальше также служить Отечеству, а сам думал: «Вот же они – опора армии. Ведь видно, что все они искренне жалеют меня, но где же остальная армия? Не нашлось ни одной дивизии, которая вызвалась бы меня защитить!»

Когда Николай II вернулся в свой вагон, там его ожидало уже четыре члена Госдумы, которые передали ему телеграмму главы Временного правительства князя Н.Н. Львова, что эти лица будут сопровождать его в Царское Село и что это решение Временного правительства означает его внимание к Государю.

В тот же день 8 марта Александре Федоровне так же объявили об ее аресте, что было исполнено командующим Петроградским Военным округом генералом Л.Г. Корниловым и А.И. Гучковым, изнывавшим от личной неприязни к императрице и пожелавшим присутствовать при этом акте. Он хотел компенсировать унижение, испытанное им при визите к Государю и увидеть в глазах у императрицы то, чего не дождался от ее августейшего супруга – смятения и мольбы о пощаде.

... И сделалась тьма ...

Прибыв в Царское Село, Л.Г. Корнилов, прежде всего, назначил полковника Е.С. Кобылинского начальником караула, на что Евгений Степанович растерянно пытался возражать:

– Помилуйте, господин генерал, за что же Вы меня так? Ведь я не тюремщик, а боевой офицер, имею ранения. Это же опозорит меня перед всей армией. К тому же мой предок Андрей Кобыла происходит от царского рода и Государь император благоволит по мне, а Александра Федоровна лично ухаживала за мной, когда я был ранен под Лодзью.

– Я все это знаю, поэтому и поручаю Вам охрану семьи, надеюсь Вы хоть в какой-то мере сгладите положение царственных особ.

В деле Е.С. Кобылинского содержится запись: «В исключительно трудном положении он до конца проявил исключительную преданность Царю». Белогвардейское офицерство не поняло миссии Евгения Семеновича и отвергло его как «предателя», всячески препятствовало его отъезду за границу. Однако ему все же удалось бежать в 1920 г. в Китай, что не спасло его от ГПУ, в 1927 г. его обманом выманили и арестовали в СССР. Здесь он был подвергнут истязаниям и расстрелу.

Визитеры бесцеремонно, по требованию А.И. Гучкова, знавшего о болезни детей и императрицы, около полуночи явились в Александровский дворец. Александра Федоровна, одетая в платье сестры милосердия, встретила их с величественным видом и взглядом, полным презрения. Не подавая руки, она спросила: «Чего господа изволят? Чем обязана столь поздним визитом?» Смущению и растерянности Корнилова с уважением относившегося к Александре Федоровне не было предела. Он сбивчиво и невнятно стал объяснять причину визита. Когда Александре Федоровне эта тягомотина надоела, она отрывисто сказала:

– Мне все очень хорошо известно. Вы пришли арестовать меня.

Корнилов смутился еще раз, только и смог сказать: «Так точно». После этого Гучков резко повернулся и пошел вон из дворца. Злость и негодование душили его. Выйдя из дворца, он сказал часовому:

– Когда появится генерал Корнилов, передайте, что я жду его в поезде, – а про себя подумал: «Срочно в Питер, ни минуты более в этом последнем пристанище романовщины».

На следующий день Николай II прибыл в Царское Село.

– Вот и свиделись, – прошептал Николай Александрович, нежно обнимая Александру Федоровну. – В эти дни я так переживал за Вас!

– Что же теперь будет?

– Что будет, то и будет. Все и все мы во власти Господа. Увы, ... теперь не мы, а они в ответе за то, что ожидает наше многострадальное Отечество.

И сделалась тьма...

... И сделалась тьма ...

P.S. Газета «Дейли ньюс» восторженно писала, что революция в России – величайшая из всех до сих пор одержанных союзниками побед... Этот переворот несравненно более важное событие, чем победа на фронте. Неслучайно господин Л.Л. Джордж выступая в Парламенте, как он выразился с «чувством живейшей радости», выразил уверенность Британского правительства в том, что события в России «начинают собою новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война».